

КАТИ БЕЯЗ

МЕМОАРЫ
ВЕДЬМЫ

3

Кати Беяз
Мемуары Ведьмы 3
Серия «Мемуары Ведьмы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53853229

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-98000-6

Аннотация

Потомственная ведьма поступает в институт. Кира не прекращает обучение силе трав у бабушки, пытаясь собрать знания фитотерапии и фармацевтики воедино. И как бы она не старалась помочь однокурсникам отварами, в студенческом общежитии отчего-то все начинают болеть. Кире предстоит выяснить ходит ли по общежитию вирус либо же настоящий мертвец... А ещё разгадать тайну деревенской церкви, попасть в зазеркалье, познакомиться с викканством, приструнить морок и встретить первую настоящую любовь.

Содержание

Введение	4
Цвет полыни	7
Глава 2	25
Глава 3	35
Глава 4	49
Максим	67
Глава 2	82
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Кати Беяз

Мемуары Ведьмы 3

Введение

Медленно, но верно костер Бельтайна разгорался. Он напоминал о шабаше в одну из таких же ночей, когда я, не желая того, вызвала на откровенный разговор дух леса. Я помнила ту ночь в мельчайших подробностях, от которых в страхе сводило живот. Однако я точно знала, что сегодня всё будет по-другому.

Каждая из нас установила по свече на своем камне, и викканка разнесла веткой огонь, сделав круг по часовой стрелке.

Я не услышала команды, но девушки по соседству принялись снимать с себя всю одежду. Замешкавшись, я тоже начала раздеваться. Костер разгорался, обдавая нас жаром. Стоять без одежды оказалось совсем не холодно. Вскоре зазвучал звонкий голос ведьмы – она читала заклинание, в паузах которого девушки хором повторяли «аксилиум луна». По ударению на первую гласную в слове «луна» я догадалась, что она читает на латыни. Впрочем, из словосочетания «прима аксилиум», что означает «первая помощь», я быстро уяснила – мы призываем в помощь духов Луны.

Огонь заворожил, а женский хор латынью пару раз вы-

звал вполне реальную «гусиную кожу». Внезапно, откуда ни возьмись, на ночное небо взошло огромное светило. Жёлтый диск надолго приковал к себе взгляд, а когда я, наконец, после очередного «аксилиум луна» взглянула на огонь, костра передо мной не было вовсе.

Теперь я совсем не узнавала местность. Я стояла в чистом поле. Точнее стояла лишь я одна, остальные девушки куда-то шли, медленно, но верно, отдаляясь. Их обнажённые тела освещал серебряный свет луны, а волосы переливались странным блеском – таким же, как и высокая трава, что свойственна полям лишь в середине лета.

Вскоре мы вышли к низине, вокруг которой стелился редкий туман. Сквозь него проглядывались низкие ивы, что причудливым узором переплелись между собой, образуя подобие природного купола. Спустившись с холма и поравнявшись с зарослями, я различила сквозь тонкие лианы блеск воды. Под куполом оказалось ровное озеро с покатым берегом. Зелёную воду устилал полупрозрачной простыней легкий пар. С импровизированного потолка свисали длинные лианы, делая это место таинственным и уютным.

Проверяя каждый шаг, я осторожно спустилась в воду. Озеро окутало теплом, а жидкость показалась вязкой. Набрав её в ладони, я всмотрелась в изумрудную субстанцию, которую вблизи и вовсе было сложно назвать водой. Наполненная блестящими искрами, она сочилась сквозь ладони и тонкими светящимися нитями ускользала обратно. Удиви-

тельно, но мои руки переняли свет и замерцали зеленою.

Зайдя по плечи, я внезапно засмеялась, и мой смех подхватили все девушки. Они плескались, обдавая друг друга искристыми брызгами, когда вместо игр я нырнула под воду. Меня обволакивала вовсе не вода. На мгновение показалось, что это живое существо. Оно поглощало, и через секунду мне показалось – ещё чуть-чуть и я полностью растворюсь в этом озере. Я поспешила вынырнуть, как вдруг увидела вокруг себя свечение. Все вокруг покрылось золотой пылью – она сыпалась с лиан, переливалась на водной глади, и воспарила в воздух.

Вскоре я утонула в силе и блаженстве волшебного озера, позабыв о страхах и опасениях. Мы были здесь с одной целью – впитать в себя магию этого места, и я её впитывала.

Внезапно на берегу в проплывающем предрассветном тумане появилась тёмная фигура. Высокий мужчина в длинном плаще нагнулся под лианами и вошёл в наше укрытие. Он не смотрел ни на кого из нас, пожирая своим стеклянным взглядом лишь мёртвый дух, что плескался с живыми. Лицо незнакомца пугало. В какой-то момент его взгляд показался одержимым.

Цвет полыни

Глава 1

Кровать стояла у окна, и с пяти утра мой сон нарушали беспокойные птицы. Повалившись ещё пятнадцать минут, я, наконец, поднялась и приготовила себе травяной чай. Стараясь изо всех сил не издавать лишних звуков столь ранним утром, я снова уронила чайную ложку. Доставая свои травы, я с особой осторожностью закрыла дверцу шкафчика, что, как назло, скрипнула. Одна из соседок по комнате недовольно вздохнула и артистично отвернулась к стене. Я вышла в коридор студенческого общежития и побрела в полумраке на кухню.

Вскоре ароматы чайной розы и cedры залили просторную комнату, где по обычаю царит лишь запах жареной картошки. Подойдя к окну, я приоткрыла форточку. Утренняя прохлада ворвалась в помещение, принеся с собой весенний цвет. Эти белые цветы, украсившие голые ветки деревьев, имели удивительную способность преображать унылый пейзаж после сошедшего снега. Грязь среди покореженного асфальта между серыми зданиями казалась теперь не такой уж чёрной. А ничем не примечательный вид становился ярче и свежее.

Я поступила в институт и собиралась по его окончании

получить диплом фармацевта. Моя бабушка лечила людей и без этих знаний, но для меня подобный шаг имел не меньшее значения, чем учеба колдовству и врачеванию в деревне. Мир не стоит на месте, и по сей день я убеждена – чтобы докопаться до правды, необходимо собрать все доступные человеку знания.

Настало время, когда мне казалось неверным полагаться исключительно на достижения науки, так же как целиком и полностью доверять жизнь человека магии. Истина приходит лишь тогда, когда эти два знания объединяются. Накладываясь друг на друга, словно тонкая калька, совершенно разные узоры внезапно начинают дополнять друг друга, а некоторые их элементы, оказывается, и вовсе совпадают. Удивительный шифр, безошибочно дающий понять, как излечить не только тело, но и душу.

Мой порыв поддержала вся семья. А бабушка более всех остальных оказалась приятно взволнованной. За неё, по правде говоря, я беспокоилась больше всего, но, слава богу, мои ожидания совсем не оправдались. Услышав вести о поступлении в медуниверситет, она расплылась в доброй улыбке и обняла меня. Её собственная мать была врачом, моя прабабка, и ведунья, как никогда, видела в моём выборе судьбоносное провидение.

Во времена окончания школы мы уже работали с ней на равных. По крайней мере, мне так казалось. Именно тогда я составила три важных рецепта, один из которых предпочла

держат в тайне, зная, что скоро он мне сильно пригодится.

– Не спится тебе, – слышался хриплый голос.

Я обернулась и увидела Лену. На её шее был в несколько слоёв повязан толстый синий шарф.

– Опять болеешь?

– У нас бродит вирус по комнате. Одна выздоровеет, и тут же заболевает другая, – подкашливая, пояснила она.

– Я еду в деревню на этих выходных, могу привезти всем вам хороший отвар, – предложила я, помнится, уже не в первый раз.

Худая невысокая девушка в байковом халате с выкрашенными в жёлтый цвет тонкими волосами сняла чайник с плиты. Заливая кипятком сухой кофе, она, не поднимая глаз, сухо ответила:

– Нет, спасибо, я на антибиотиках.

– Но антибиотик не убивает ви...

– Спасибо, Кира, мы как-нибудь сами разберемся, – обрывала она.

Я никогда не скрывала, чем занимаюсь. Все были в курсе дел, но мало кто принимал от меня помощь. Тех, кто обращался сам, можно было сосчитать по пальцам одной руки, но не могу сказать, что я сильно страдала от этого. Каждый из нас сам в ответе за свою жизнь. Тот, кто считает единственный путь правильным, никогда не пройдет по другим дорогам, вполне возможно более солнечным и менее каменистым.

Четыре года спустя я снова начала ощущать присутствие колдуна в одном со мной пространстве. Отучившись восемь месяцев в медицинском институте, я полностью погрузилась в новый для себя мир. Мир студенчества. Я забыла о многом в этих стенах. Однако, как оказалось, забыла ненадолго.

Началось все неделю назад. Переходя из одного корпуса в другой, я пробиралась сквозь толпу встречного потока студентов и наткнулась на знакомый взгляд серых глаз. Тотчас обернувшись, я так и не смогла определить, кому этот взгляд принадлежит. Сердце забилося в бешеном танце воспоминаний. Я знала эти ощущения не понаслышке. Ошибка? Возможно, но только не относительно этого человека. Хотя, человека ли?

С того момента, словно находясь в постоянном поиске, я принялась жадно изучать всех и каждого. Одна мысль, что колдун может быть в этом мире кем угодно и находиться со мной в непосредственной близости, засела тугой занозой. Порой я чувствовала его где-то совсем близко. Порой ощущала его присутствие буквально своей кожей, словно она принадлежит земноводным. Поначалу все происходящее окрыляло. Влюбленность манила и звала разгадать эту тайну. Тайну длиною в несколько лет. Время шло, а поиски изнурили. Всего лишь неделя, улыбаясь, скажет любой. Мне же казалось – прошла целая вечность.

Елена столкнулась в дверях со своей соседкой по комнате. Та поспешила пропустить угрюмую сожительницу, виновато

потупив взор. Я не знала имени этой девушки, а может, просто забыла. Она была довольно неприметной и крайне редко попадалась на глаза. Круглолицая, в крупных очках она нарочно избегала меня, чтобы не здороваться.

«Скрытные люди внутри себя непременно что-то скрывают... или кого-то», – вспомнились бабушкины слова.

Такое определение больше подходило призрачному колдуну, но точно не этой особе.

«Все, что она может скрывать, это вторую пару очков под первой», – пронеслось в голове. От этой мысли я непроизвольно усмехнулась и отвернулась к окну.

Я любила осень, но весна каждый раз пробуждала в душе нечто новое. Подобно человеческой душе, она казалась мне местами грязной, но неизменно красивой в период своего цветения.

Если смешать пару редких трав с лепестками мака и семенами амброзии, можно получить настой, который поможет мне перестать чувствовать присутствие колдуна. Я забуду его. Забуду навсегда. Так, словно никогда не было. Я назвала этот рецепт «эликсир от любовных мук». Надо отметить, что поначалу состав был экспериментальным и помогал исключительно в теории. Но однажды я дала его на пробу Алле – девушке из соседней комнаты. На выходных я осталась одна и не могла спать от плача, что доносился из-за стены. Укутавшись в халат, я сунула босые ноги в тапки и вы-

шла в коридор. На мой стук соседка открыла не сразу.

– Эй, ты в порядке?

Разумеется, Алла была далека от порядка, но так у нас принято: надейся на лучшее и будь готов к худшему.

– Прости, если разбудила, – она насухо вытерла красные щёки.

– Что-то случилось?

– Ай, – на её воспалённых глазах проступила новая порция слёз. – Все эти старшекурсники одинаковые. Скорее бы затащить в постель, а дальше...

– А дальше приходят новые первокурсницы.

– Именно. С тобой тоже что ли..?

– Нет, я... У меня есть хорошее средство, дабы забыть тех, кто не достойны, чтобы о них помнили. И тем более проливали слёзы...

– Коньяк?

– Нет, – улыбнулась я. – Это зелье.

– Зелье?

– Угу.

– А нет такого зелья, чтобы он приполз ко мне на коленях и молил о прощении?

– Нет, такого зелья у меня нет. Но есть в аптеке и называется фенолфталеин, – подмигнула я.

Алла рассмеялась.

– Никакой мужчина не стоит твоих слёз, – я тронула её ладонь. – Посмотри на себя, ты лучшая на нашем потоке, не

говоря уже о твоей красоте.

– Спасибо, Кир, – она сжала мою ладонь в ответ.

– Попробуй уснуть. Пройдёт время, и я уверена ты будешь смеяться над всем этим.

Я направилась к своей комнате, когда Алла окликнула:

– А это зелье совершенно безвредно?

– Я буду с тобой откровенна, – задержалась я в дверях, – рецепт новый, и его ещё никто не пробовал. Но компоненты все натуральные, среди них нет ядов.

– Нет ядов? – вскинула Алла брови. – Звучит весьма обнадёживающе. Знаешь, я ведь тоже из деревни. Я знаю силу природной медицины, и видела много раз как растительные настои творили чудеса. Я готова рискнуть...

– Правда?

Алла кивнула.

– Тогда милости просим, – я распахнула шире дверь.

Когда самодельная свеча догорела до середины, девушка заметно успокоилась. К этому времени я закончила с приготовлением и разбавила кашицу в ступке настоянной на серебре водой.

– На вкус может горчить, – предупредила я, протянув гостье пиалу.

Девушка пригубила, поморщилась, но после залпом осушила сосуд.

– Что теперь? – спросила она.

– А теперь иди спи.

Наутро Аллу было не узнать. Точнее, наоборот, узнать! Именно такой я помнила её, когда наша учёба только началась. В её глазах горел огонь, с лица не сходила приветливая улыбка, а походка была подобна полёту. Полёту в будущее, полное надежд и самых светлых ожиданий.

Рецепт себя оправдал. Мне ничего не стоило сделать порцию для себя самой. Вопрос лишь стоял в том, была ли я готова забыть колдуна? Скорее да, чем нет, но я всё ещё не была уверена. Эти чувства тяготили с того самого момента, когда я впервые проникла в его мир. С тех пор я перестала быть свободной. Временами мне нравилась эта невидимая связь, но со временем шелковый шнурок превратился в толстую веревку. Она уже не ласкала мою шею, а, напротив, душила и натирала мозоли. Сейчас я в первый раз почувствовала, как она петлёй стянула мне горло. Мне захотелось снять её раз и навсегда, и обрести сладкое чувство свободы.

Собрав все ингредиенты, я обнаружила, что не хватает семян амброзии. Была пятница, и после учёбы я ехала в деревню. Сегодня я всерьёз намеревалась отыскать семена в нашем погребе.

– Что ты там ищешь? – спросит бабушка, если застанет меня рыщущей по банкам.

– Эм, да так, ничего особенного!

– Ну-ка, дай-ка посмотреть? Что это тут у тебя? Ух ты, да это ж семена амброзии! И зачем они тебе?

Ответ никак не приходил в голову. Стоит отметить, они

активно используются в снадобьях подавления воли.

– Эм-м-м, понимаешь, бабуля, я желаю забыть свою любовь. Я разработала зелье. Оно намного сильнее того пшеничного настоя, что записан в нашей колдовской книге и больше напоминает бражку, чем реальное колдовское снадобье.

Терзаясь в сомнениях, я гадала, что её заинтересует больше: новый состав или объект моей влюбленности. Хотя, ведунья непременно постарается узнать и то и другое.

– И кто он? А главное, почему ты хочешь забыть его? Ты молода и вольна любить, кого захочешь.

– Четыре года назад я нашла щепку от дома колдуна. Не сказав тебе ни единого слова, я отправилась в его мир, где попала под чары любви. Я была там дважды, пока колдун хитростью не вернул меня, снабдив по дороге ложными надеждами. После долгих лет я вновь почувствовала его рядом, но, не сумев найти и не имея достаточно терпения, я решила раз и навсегда избавиться от своих любовных мук. Вот!

Стоячие оциации мне гарантированы, после которых она убьет меня. Но хуже всего даже не это – после такого признания, думаю, она навсегда потеряет ко мне доверие. И хоть у неё самой всегда было предостаточно секретов, эта ситуация никак не ставила нас в одинаковое положение. Я всё ещё была её внучкой, ученицей, единственной душой, которой она доверяла, как самой себе.

Тайны! Я наблюдала, как вспыхнул огонь, и острые углы

бумаги, почернев, мгновенно свернулись.

– Что это?

– Письмо, – немногословно ответила бабушка.

– От кого? – машинально поинтересовалась я.

– От тебя!

Лишь спустя время я снова заговорила, уложив этот короткий диалог в своей голове.

– И когда я тебе его успела написать?

– Когда ты меня переросла.

– В профессиональном плане?

Она усмехнулась и, кивая, ответила:

– И в этом плане тоже...

Я не понимала, когда и как я могла написать такое письмо своей бабушке, а потому всерьёз стала беспокоиться за свою старушку.

– Но если я его тебе написала, то, возможно, нет ничего страшного, если бы я его прочла?

– Если ты узнаешь своё будущее, ты никогда не сможешь стать той, кем стала.

– Почему?

Эта фраза звучала красиво, но всё же недостаточно убедительно.

– Предсказать будущее легко. Труднее всего воплотить его после правдивого предсказания, понимаешь?

– Нет, не понимаю, – как на духу призналась я.

– Тогда представь, что ты стоишь на первой ступеньке вы-

сокой лестницы. Ты мечтаешь когда-нибудь оказаться там, наверху, на последней её ступени, но ты не знаешь, сможешь ли добраться туда. Хватит ли тебе сил и знаний, терпения и упорства, трудолюбия и веры в себя. Ты взываешь к оракулу, и до твоего уха он доносит самые желанные слова, что в назначенный день и час ты будешь стоять там, на самой вершине. Как ты думаешь, что произойдёт дальше?

– И что же? – спросила я, представляя совершенно реальную ситуацию. – Я очень обрадуюсь, что смогу пройти эту лестницу. То есть смогу подняться по ней. Наверное, это придаст мне больше терпения в ожидании.

– Вот именно! В ожидании! – жадно уцепилась за мой ответ ведунья. – Ты перестанешь действовать, ты станешь ждать! И когда наступит назначенный день и час ступить на последнюю из ступеней, ты обнаружишь себя, в лучшем случае, лишь на середине пути.

– Но почему?

– Потому что растратила половину сил на ожидание того, что непременно должно случиться. А может, уверенная в своем успехе, не приложила достаточно усилий. В любом случае, после предсказания твоя конечная точка необратимо изменится, и ты уже никогда не станешь той, кем могла бы стать до этого пророчества.

– Хм, это интересно, хоть и грустно. Но если жизнь так многовариантна, то я могу быть счастлива так же и на других ступенях?

– Да, можешь. Но лично я не хочу, чтобы тот человек, который принес это письмо и спас тебя той зимой от рака, изменился. Я хочу, чтобы он остался тем, кем смог стать там, в будущем...

Чай был допит, и я резко отвернулась от окна, переполненная нахлынувшими воспоминаниями. В то же мгновение меня парализовало от ужаса. Кожа застенчивой девушки на секунду показалась мне странного серо-голубого цвета. Проморгавшись, я с облегчением поняла, что мне лишь померещилось. Соседка Елены мигом считала с моего лица эмоции и вопреки своим правилам уставилась на меня в упор. Стараясь не выдать себя, я молча вышла в коридор. Что это было? Вполне могла сказаться моя усталость от погони за колдуном, или обычный перепад освещения.

«Я всегда была приветливой и общительной, что со мной стало? – невольно пронеслось в голове. – Почему я убегая?»

Бабушка старалась скрыть от меня письмо из будущего, чтобы я осталась прежней. Однако тот разговор навсегда поселил во мне страх, что я изменюсь и отойду от своих убеждений. Что ж, порой это изнуряло даже больше, чем мысли о неразделенной любви. Я развернулась и сделала шаг назад.

– Я Кира! – представилась я.

– Уль...яна, – прерывисто ответила она.

– Будем знакомы. Я живу в тридцать первой с Мариной и Олей. Мы с фармацевтического.

– А я будущий патологоанатом.

Теперь всё встало на свои места. У них там вся кафедра не особо разговорчивых.

– Считаю наше знакомство неслучайным и взаимовыгодным, – позитивно заключила я. – Всегда обращайся, если что!

Её глаза значительно увеличились в этих очках. И помолчав ещё некоторое время в полном оцепенении, она вдруг расплылась в приятной улыбке.

– Да... да... Спасибо... Ты тоже!

Я была довольна собой, возвращаясь к прежней Кире. Раньше я была другой – более открытой и дружелюбной. Я не могла разобраться толком, что именно меняло меня. Может, поиски колдуна, а, может, сложные отношения с сокурсниками. Вполне возможно, тяготила и непростая учеба, и жизнь в одной комнате, по сути, с посторонними мне людьми. А может, все это вместе. Весна взывала к переменам, и я была к ним готова.

Всю неделю стояла солнечная погода. Лишь изредка по небу проплывали пышные кучевые облака, и только здесь, над этим полем, снова нависли тяжелые грозовые тучи. Я помнила каждый шаг, сделанный между высокими колосьями этих пшеничных полей. Сейчас они чернели вспаханнми буграми, но неизменно напоминали о нашем походе. Мы возвращали ведьме её вишневый пирог. Баба Маша съела с выпечки всего одну вишенку, из-за которой нам пришлось

отправиться в нелёгкое путешествие. Я помнила эту историю слишком хорошо. Она повторяла мне о силе веры в добро. О том, как важно контролировать свой страх, что способен убить быстрее любой магии.

После пар я отправилась в деревню, остановившись у пшеничного поля. Автомобиль завелся не с первого раза, и я планировала сегодня показать свою «копейку» дяде Толе.

Перед учёбой в институте бабушка вызвала меня в деревню. Это было в конце августа, и я была рада снова оказаться среди цветущих полей, слегка желтеющих деревьев и тёмных грозовых туч над безупречно ровными золотыми полями. Тем вечером закат был бесподобен. Солнце утопало в ярком поле люпинов, повторяя его нежные пятна бирюзы над горизонтом. Я сидела на любимой кушетке близ окна, согретая закатом и травяным чаем.

– Кира, мы с бабушкой хотим что-то подарить тебе.

Она протянула мне маленькую самодельную шкатулку. Я никогда не ждала от них подарков. Да и от мамы тоже. Мы не относились к обеспеченным семьям, и жизнь редко баловала нас излишествами. Однако с самого детства мне были привиты, так сказать, правильные ценности – любовь родных и их искренние знаки внимания превращали меня в абсолютно счастливого ребенка. Никто не жалел для меня своего времени, внимания и любви. Поэтому другие символы заботы, такие как подарки, со временем теряли свой вес и значение.

– Что это? – искренне удивилась я.

– Открой! – предложил дедушка.

В коробочке лежали ключи от автомобиля! Радость мигом сменилась тревогой, не ограничили ли они себя в чём-то?

– Не переживай, тут и мама доложила, и деда поле, наконец, продали.

– Вы продали дедушкино поле? Но это же его родовая земля.

– Моя земля здесь! – гордо заявил он. – Я прожил всю жизнь в этом доме. А мой род – это ты. Так что ни рода, ни земли я не лишился. И видеть тебя чаще и при любой возможности – это то, чего мы больше всего хотим с бабушкой.

Я расплакалась.

– Машина не новая, но Анатолий заверил, что хорошая. Вместе с ним выбирали. Приезжай к нам, дочка, как только сердце позовет.

Мы заключили друг друга в крепкие объятия.

Три месяца я совмещала учебу с автошколой. Было сложно, и мне даже порой казалось, что я никогда не смогу водить автомобиль. Это пришло, как и все человеческие навыки. Уже через месяц тревог и потения на перекрестках я начала справляться со стрессом. К весне я ездила без переживаний, получая от процесса удовольствие. Автомобиль дарил необыкновенную свободу. В любой момент я могла унести себя куда хотела: на берег озера, в обитель высоченных сосен, к бабушке в деревню. Если в один из дней пары на-

чинались позже, то я просто садилась за руль, и уже через шестьдесят километров была у них. В доме бабушки всегда было столько энергии, что мне хватало поспать всего четыре часа. На рассвете я была бодра и полна сил, помогая ей с отварами, обрядами и заговорами. От деревни в тридцати километрах по прямой жила моя мама. Иногда, бывало, она приезжала к нам на последнем автобусе, а бывало, мы ехали к ней все вместе на моих жигулях.

– Опять зажигание барахлит, – пожаловалась я с порога, – покажу её дяде Толе завтра утром.

– А ты с ней разговариваешь? – загадочно поинтересовалась бабушка.

– С кем?

– Со своей машиной!

Я замерла в задумчивой позе. Это было странно – мы говорили с травами, деревьями и даже ритуальными камнями, но я никогда всерьез не задумывалась поговорить с автомобилем.

– Бабуль, это техника! В ней всё работает по своим законам. Да и как я могу повлиять на микротрещину в шланге, на уровень масла или заряд аккумулятора?

– Представь, резина – это та же кожа. Если питать её энергией и силой, то она останется эластичной дольше. А если повысить энергоёмкость масла, то оно будет медленнее стогреть, давая больше мощи. Ну а зарядить аккумулятор – так

это вообще для тебя должно быть проще простого.

Что-то в этом определено было, но мне виделось куда проще показать машину дяде Толе.

Вдруг бабушка отошла в сторону и посмотрела на меня отрешённым взглядом. Тем самым, которым сканировала невидимые глазу оболочки.

– Что ты видишь? – забеспокоилась я.

Наши эфирные тела вполне себе способны выдать любовь, к примеру, и тогда мне будет труднее скрыть, зачем я в этот раз сюда приехала.

– А ну-ка принеси мне кое-что из погреба, – задумчиво протянула она.

Я с облегчением выдохнула. Если бы это было розово-алое свечение, обрамляющее голову и сердце, то ей бы не понадобилось проводить ритуалы, она бы и так всё поняла.

– Принеси мне цвет полыни и чёрный кристалл.

Это было интересно. Я не знала ритуала с их участием, и в моём животе снова расплзлась прохлада – то самое волнительное ожидание чуда.

По узкой деревянной лестнице я спустилась в тесное пространство. Пряный запах трав наполнил легкие. Несмотря на раннюю весну, это было время сбора многих соцветий, и бабушка не высушивала их перед жарким летом, а просто оставляла висеть под потолком аккуратными веничками. Чёрный кристалл оказался крупным и тяжёлым. Ища среди бутылочек цвет полыни, мой взгляд остановился на семенах

амброзии. Минута колебаний, и их горсть уже была у меня в кармане. Я схватила бутылочку с цветом полыни и вылезла из погреба.

К этому моменту на столе стояло пять абсолютно чёрных свечей. Между ними мелом бабушка нарисовала пентаграмму. Вскоре посередине символа был аккуратно помещен чёрный кристалл. Главным правилом при ритуалах было держать обед молчания, и бабушка, высыпав желтую легколетучую пыльцу на салфетку, дала мне знак её вдохнуть. Я колебалась, ведь это сильнейший аллерген, но после повторного настойчивого кивка, я всё же вздохнула. Тотчас в горле запершило и странной болью отдалось в затылке. Чуть отойдя от шока, я увидела, как бабушка приказывает мне поднести растопыренную ладонь к свечам. Ритуал начинал походить на пытки, но я послушалась и поднесла. В ту же секунду все свечи как по команде погасли.

Я открыла рот, словно рыба, в попытке что-то произнести, но, кротив эмоции, я дождалась пока первой заговорит бабушка.

– Ты знаешь, что это был за обряд?

– Нет, я не знаю обрядов с цветом полыни, – стыдливо призналась я.

– Это обряд на мертвеца. И он ясно показал, что рядом с тобой мертвец!

Глава 2

Страх, что тайное очень скоро станет явным, завладел мной. А бабушка продолжала:

– Сегодня ночью ты сможешь найти мертвеца, пока в тебе есть цвет полыни.

Мой план забыть колдуна рассыпался по песчинкам. Благодаря нехитрому ритуалу мне предстояло не только помнить его, но ещё и увидеть. Что ж, по крайней мере, это должно было помочь определиться в своих чувствах к этому человеку, если его можно было так назвать.

Солнце совсем зашло, и на небе появилась абсолютно полная луна. Я пила лечебный отвар от головной боли. Этот цвет полыни явно плохо отразился на моём самочувствии, но другого пути, по словам бабушки, не было.

– Чем опасны мертвецы? – вдруг спросила я.

Ответ казался очевидным, однако мне хотелось конкретики. Я шла на встречу к одному из них, и логичней было бы разобраться, какие опасности меня подстерегают при встрече с мёртвым.

– Всё зависит от того, зачем мертвец живёт.

Я с сарказмом закивала. За столько лет мне нужно было бы привыкнуть к подобным ответам, но я всё ещё никак не привыкала.

– А ты, бабуль, встречалась с мертвецом?

– Было дело, – коротко ответила она.

– Это был тот, кто вылез из могилы? – я прямым текстом указывала на колдуна.

– Не совсем так, – наконец разговорилась ведунья, – изначально это был вполне себе живой субъект. Этого мужчину звали Иван, и он изучал магию. Ему нравилось иметь влияние над людьми и их судьбами. И это, пожалуй, приносило ему больше радости, чем лечение и практика предсказаний. Он искал различные пути и даже один раз обратился за помощью ко мне.

– Иван, чему я могу тебя научить, это то, как лечить душевные и телесные недуги, делать магические защиты и отпугивать нечисть восвояси, – ответила я.

– И всё? – он недовольно свёл брови.

– Чего же ты хочешь?

– Я хочу иметь власть над людьми, их мыслями и желаниями. Контролировать любую жизненную ситуацию и даже саму смерть, – заявил Иван.

– На это нужны сверхэнергии. Если человек просит их, то он должен не только уметь ими пользоваться, но и быть готовым платить за них по счетам.

Он выслушал меня тогда, но принял своё решение. Мы долго не виделись, пока до меня не дошли новости, что он излечил человека от бешенства. Я была впечатлена его работой, как и врачи, поставившие пострадавшему такой диа-

гноз. Ты лучше меня знаешь, что бешенство не лечится, и любой обречён, кого укусил больной зверь.

– Как ты это сделал? – при нашей встрече спросила я.

– Я говорил тебе, что хочу получить контроль над смертью, и я этого добился, – с немалым самодовольством ответил он.

– И всё же меня интересует метод, ведь ты совершил чудо.

– Именно так! Если хочешь, то я посвящу тебя в свои тайные знания. Но я человек дела, а не слов. Хочешь знать – приходи сюда ночью.

Мы договорились, что около полуночи я приду к нему домой. До этого времени меня терзало много мыслей и сомнений, но я должна была знать, как он это делает.

Я пришла в его дом в назначенное время, и он тут же вышел ко мне.

– Пойдём, нам предстоит путь, – неожиданно сообщил Иван.

Мы почти не говорили до самых ворот деревенского кладбища, что по сей день стоит между нашей и соседней деревнями.

– Ты это видишь? – спросил он, в изумлении застыв перед землёй мёртвых.

– Нет, – совершенно откровенно призналась я.

Я ничего не видела, кроме тёмного зловещего места, и тогда он научил меня видеть по-другому.

– Смотри впереди себя так, будто ты смотришь сквозь на-

рисованное полотно. Найди точку вдали, сфокусируйся вон, к примеру, на том могучем дубе.

Он указал на тёмный силуэт мощного дерева, знаменующего конец кладбища. Я сосредоточилась на нём, когда вся местность озарилось непонятным свечением. Позже видение обрело чёткость, и я заметила, как из каждой могилы тонкими светящимися струями выходят столбы энергии.

– Теперь видишь?

– Теперь вижу, – чуть слышно произнесла я, боясь спугнуть мираж.

Не так давно Иван начал работать с энергиями смерти. Каждую ночь он выходил на кладбище и питался на местах свежих захоронений.

– Что именно ты сейчас наблюдаешь? Я вижу их яркими лучами света, исходящими из земли, – продолжал он. – Я даже могу поспорить на деньги, где находится самая свежая могила, и мне не надо заходить на это кладбище, чтобы увидеть её с поразительной точностью.

– Как долго они излучают это? – поражённая увиденным, спросила я.

– До сорока дней они блещут так, словно кто-то вставил в землю мощный фонарик и забыл его выключить. Затем медленно угасают и после года исчезают совсем. Следуй за мной, – он махнул рукой и приоткрыл тяжёлые ворота.

Мы зашли на кладбище, где Иван повёл меня к самому, по его словам, мощному излучению. Я склонилась над совсем

ещё свежим бугром. Вчера! Мужчину похоронили вчера.

– И вправду, свежее уж некуда, – с долей иронии отметила я.

– Дамы вперёд? – гостеприимно простёр он руку.

– Нет, дорогой коллега, это не моя энергия!

– Ну, как знаешь, – пожал он плечами и, разложив на могиле свои многочисленные амулеты, плетёные куклы и свечи, лёг на неё сам.

Он принялся стонать и содрогаться так, словно сквозь него пропускали электрический ток. Картина, мягко говоря, шокировала, но я решила досмотреть спектакль до конца. Грудь Ивана вздымалась в экстазе, ладони погружались всё глубже в могильную землю. Его глаза закатывались в удовольствии, и в какой-то момент от увиденного мне стало совсем не по себе.

– Я насытился, – заключил он, поднимаясь с колен.

Собрав кристаллы и медальоны, он вдруг изверг такую отрыжку, что, казалось, всё кладбище содрогнулось. Уже наутро он лечил. Заряжаясь по ночам, днями он творил свои чудеса. Однажды вечером ко мне пришёл молодой парень, назвавшись учеником Ивана.

– Мой учитель сломал ногу. Он просит вас навестить его, – сообщил худой как тростинка юнец.

– Он просит меня навестить его, потому что сломал ногу? – я не могла скрыть удивления.

– Не совсем. Он начал хворать. Зовёт специалиста, сам

разобраться не может, – коротко отозвался тот.

Где-то внутри я понимала, что добром такое не закончится, но предпочла оставить колдовские методы Ивана на его же усмотрение. Однако, я не могла оставить момент его болезни без внимания. Я схватила, что нашла для лечения переломов, и поехала к нему.

Иван лежал почти без движения. Кожа обрела сероватый оттенок, а глаза потускнели, словно у старика. Я зажгла са- модельную свечу и закрыла глаза. Когда я взглянула на него своим сознанием, я увидела мертвеца. Голубая кожа частями повисла, обнажив кости, а глазные впадины казались совсем чёрными. Я вздрогнула, когда он перевёл на меня свои помутневшие зрачки.

Вскочив со стула, я отошла на несколько шагов назад. Мои глаза мне говорили, что Иван болен. Но своим сознанием я понимала, что Иван мёртв.

– Что ты видишь? – встревожился он.

– Ты же покойник! – решив не таить видение, воскликнула я.

– Я уже две недели не был на кладбище... – простонал Иван.

Он не мог питаться привычным способом. Остальные же пути получения жизненной силы были заблокированы энергией смерти. Нельзя питаться смертью и оставаться при этом живым. Она разрушает, старит и блокирует все энергетические потоки.

– Бабуль, но ведь эти потоки из могил – это же остатки жизненной энергии, как мне кажется, – воспротивилась я.

– Да, Кира, это остатки жизни, но с каким зарядом?

– Ты говоришь, что у энергии есть заряд?

– Конечно, как у всего в природе! То, что готовится умереть, неизбежно стремится к разрушению.

– Ты помогла ему?

– Да, – сухо ответила бабушка.

– Чем ты его лечила?

– Ничем, мы отнесли его на кладбище!

Я отвернулась от окна и взглянула ей в глаза.

– Конечно, что здесь удивительного? Мертвецу не нужен эликсир жизни, ему нужно лишь ещё немного смерти.

Несмотря на прекрасный весенний вечер, я легла спать с тяжёлыми мыслями. Мои мечты, что колдун не меньше жив, чем я, всё больше походили на беспочвенные фантазии. Вся эта неприязнь к мертвечине медленно, но верно убивала во мне романтические чувства. Одно оставалось крайне странным: почему же моя бабушка не почуяла его своим безотказным чутьём?

Перед сном голова была тяжёлой. Виски то и дело сдавливало, а дыхание осложнялось болезненными ощущениями в зоне лба. Я долго мучилась, вспоминая едкий цвет полыни, но всё же уснула.

Вопреки ожиданиям, я снова очутилась в студенческом

общезнанию. Длинный коридор тускло озарялся красным светом, а привычных взгляду дверей, закрывающих комнаты от любопытных глаз, не оказалось вовсе.

— Неужели колдун где-то здесь, среди студентов? — пронеслось в сознании.

Кажется, этого я хотела и боялась больше всего. В животе растеклось приятное тепло в предвкушении долгожданной встречи.

Я побрела по длинному коридору, заглядывая в бездверные комнаты. Благодаря странному свечению, исходящему от окна, на кроватях без труда различались спящие силуэты. Я застыла перед одной из комнат: кроме отсутствия дверей и наличия таинственного свечения, тут что-то было не так. Пройдя дальше, я наконец поняла — спящие лежали в одной и той же позе. Они, словно отряд солдатиков, были разложены кем-то по кроватям. Подойдя к своей комнате, я увидела мирно спящих Аню и Свету. Они жили далеко и не всегда могли уехать домой на выходные. Моя же кровать сегодня была пуста.

Подойдя к окну, я попыталась выяснить источник таинственного света. Привычный пейзаж не успокоил и не обрадовал глаз. Все здания смотрели на меня чёрными безжизненными окнами. Некоторые из панельных домов стояли полуразрушенными, обнажив внутренние пролёты лестниц и обшарпанные обои тесных квартир. И без того покорёженный асфальт теперь был разделён бездонной трещиной на

два кривых берега, а, ещё вчера цветущие деревья, теперь тянули свои голые ветки, пытаясь пронзить любого смельчака, решившего прогуляться по городу-призраку.

«Что это за место?» – нахмурилась я и вышла в коридор.

Внезапно одна из дальних комнат в правом ряду озарялась кроваво-красным светом так, будто испила чьей-то крови.

Замедлив шаг, я всё же добралась до проёма и нерешительно заглянула внутрь. Это была комната Лены, но то, что я там увидела, заставило меня содрогнуться даже своим астральным телом. Над соседкой по комнате горбато склонилась Ульяна. Её костлявые руки проникли внутрь грудной клетки спящей, вытягивая золотые нити жизни. Наматывая их на костяшки, мёртвая девушка пожирала эти светящиеся макароны своим беззубым ртом. Длинные волосы свесились безобразными прядями, закрывая её лицо, но треснутые огромные очки и короткий бордовый халат поверх пижамы выдавали в ней мою новую знакомую. Вдруг, словно почуяв меня, она обернулась. Чуть успев заскочить за угол, я собралась с духом и кинулась в соседнюю из комнат.

Шоркая тапочками, мимо прошла мёртвая Ульяна. Когда шаги отдалились, я выглянула из своего укрытия и посмотрела ей вслед. Шатаясь и не поднимая головы, её сгорбленное тело побрело в мою комнату.

«Что делать? Меня там нет, но есть девочки!» – паниковала я.

Я сжала виски. Мне необходимо было как-то отвлечь её,

вывести оттуда. Хотя, с другой стороны, что это изменит в мире, где для ходячего мертвеца не существует дверей?!

Глава 3

Распахнув веки, я обнаружила, что на улице светает. Несмотря на ранний час, бабушка уже копошилась в погребе, а на плите закипал чайник. Засунув ноги в меховые тапки, я набросила теплую кофту и подбежала к плите.

– Уже проснулась? – из погреба показалась голова ведуньи.

– Не мудрено! Такие страхи после твоей полыни приснились... – с ноткой упрёка ответила я.

Бабушка улыбнулась и снова скрылась из вида.

– В делах с мертвыми не следует рассчитывать на красоту и цветение, – раздалось из-под пола.

– Угу, – я тем временем уже заваривала чай из лепестков подсолнуха и плодов барбариса.

– Так, что тебе снилось? – бабушка подала из погреба корзинку с сухими травами, после чего поднялась сама.

– Ульяна снилась, – без эмоций ответила я, ведь ожидала увидеть совсем не Ульяну.

– Институтская подруга? – мучилась отдышкой она.

– Ну, не подруга, так... Познакомились на днях на кухне. В её комнате, бабуль, все постоянно болеют. И, кажется, я увидела во сне почему!

Мой рассказ озадачил бабушку.

– Ульяна, значит – задумчиво протянула ведунья. – Она

тебя видела?

Вопрос застал врасплох. И да, и нет.

– Меня? – я обернулась и с опаской посмотрела ей в глаза. – Как она могла меня увидеть?

– Судя по всему, ты была где-то на нижних уровнях астрала, а это территория мёртвых. Они ориентируются там гораздо лучше живых. И чувствуют живых в разы лучше.

От её слов меня передернуло.

– Нет, я не думаю, что она меня видела... Так, что нам с ней делать? – разволновалась я. – Оживлять?

– Оживлять? – расхохоталась бабушка. – Кого? Мёртвого?

Удивлению ведуньи не было предела. Я вконец растерялась и лишь пожала плечами.

– Все, что мы можем... Точнее сказать, что в наших силах, так это научить её правильно питаться. Что и тебе не мешало бы сделать, – с этими словами бабушка принесла с кухни тарелку, полную горячих оладий. – Исхудала совсем!

Они неизменно напоминали мне о детстве, проведенном здесь. О беззаботных рассветах, о чувстве полной защищенности под покровительством всезнающей ведуньи. Но и о ночах, полных ужаса, тоже...

Солнце пронзило комнату яркими лучами, и бабушка поставила в них миску с травяным настоем.

– Дадим настояться, и отнесешь Анатолию, а заодно и машину покажешь.

– А что, он приболел?

– Жаловался на спину. Работа не из легких – днями напролёт под машинами ковыряться.

– Он молодец, такие очереди к нему всегда.

– Это да, человек на своем месте.

Я вдруг задумалась.

– Бабуль, ты всегда говоришь, что если заниматься любимым делом, то от этого энергии и здоровья лишь прибавляется. Почему тогда такие люди, как дядь Толя, болеют?

– Ну, дорогая, тебе словно снова тринадцать! – заулыбалась она. – Тело не бессмертный дух! Когда оно устало, ему нужен отдых. Когда переволновалось – нужен покой. Наша физическая оболочка зависит от пищи, ей всё ещё нужен ежедневный сон. Это, по сути, такая же машина, которые Анатолий у себя во дворе ремонтирует.

Я натянула старые спортивные штаны, бабушкин вытянутый свитер, спустила гармошкой пестрые шерстяные носки и сунула ноги в галоши. Я не была модницей, но так, как я одевалась в деревне, могло по-настоящему шокировать моих институтских приятельниц. Что ж, мне так хотелось! И, каждый раз приезжая к бабушке, я будто бездомная, выбирала самые поношенные вещи, в которых сохранилось максимум воспоминаний. В них осталось то, что я пережила, а точнее – с десятков самых невероятных приключений. То, что вовсе не натягивалось, я заменяла старыми бабушкиными вещами, излучающими целое море энергии.

Водрузив низкую корзинку с банками на переднее сиде-

ние, я попытала счастье завести мотор, который, впрочем, снова не завелся. Обняв корзинку, я пошла по сельской дороге, и через десят минут была у дома Анатолия.

За высоким забором кипела работа. Стук по металлу смешивался скрежетом сварочного аппарата. Я постучала, но стук растворился в обширном диапазоне дворового шума. Прждав довольно долго пока в работе дяди Толи не появилась пауза, я, наконец, постучала громче и настойчивей. Кто-то отложил инструменты и, шоркая по асфальту резиновыми сапогами, направился к забору. Замок звучно отщелкнул, ворота закрипели, и передо мной возник высокий парень в рабочей одежде и с огромными сварочными варежками в руках.

Его короткие темные волосы неподвижным козырьком застыли над чумазым лбом, а от природы ровные брови отчего-то состроились домиком. Тонкие губы игриво съехали вбок, изображая надменную ухмылку под слегка вздернутым носом. И лишь голубые глаза заставили меня робеть своим уникальным цветом – они оказались в разы ярче всего, что находилось вокруг.

Парень молчал, нагло улыбался и без малейшего стеснения меня разглядывал. Если он приехал из города, то ему было на что посмотреть – о своем внешнем виде я не сильно заботилась на просторах родной деревни. Я не припоминала, чтобы расчёсывала этим утром свои пшеничные волосы, которые были небрежно завязаны старой резинкой. И как бы

сильно не были вытянуты мои штаны, они все равно на целую ладонь были выше пестрых вязаных носков. Мы могли бы молчать вечно, пока из дома не донесся крик тети Оли.

– Максим, кто там?

«Максим...» – эхом отозвалось в голове.

– Я не знаю, – крикнул он в ответ, – какая-то беженка! – добавил парень, глядя мне в глаза и все шире расплываясь в улыбке.

«Ямочки, у него на щеках ямочки...» – в голове кто-то снова совершенно бесстыдно комментировал происходящее.

– Я к дяде Толе! – подала я голос.

– Он и тебе дядя? – наигранно удивился Максим.

– Он друг семьи, – смутилась я.

– Фух, у неё есть семья, – Максим передавал новости тётё Оле, что, укутавшись в тёплый халат, уже подбегала к воротам.

– Шутник мне нашёлся! – хозяйка дома шлепнула племянника по спине. – Здравствуй, Кира, заходи. Толик совсем слёг...

Я бросила на парня косой взгляд и прошла за тётёй Олей в дом. Её муж и вправду лежал на разложенном диване, шевеля лишь руками и с опаской вертя шеей.

– Что, так все плохо? – спросила я с порога.

– Ох, да, дочка. Что там Валюша передала? – простонал он.

– Настой от радикулита, – я выставила банки на стол. – Но ведь может быть и грыжа! А может вообще пиелонефрит... В сырой яме сидите сутра до ночи. Вы бы к врачу сначала, а?

– Ну, вот если Валино зелье не поможет, то к врачу пойду, обещаю, – заулыбался Анатолий.

– Это не зелье, – усмехнулась я. – Это настой для компрессов!

– Её греть надо? – тут же засуетилась тетя Оля, неся махровое полотенце.

– Сейчас не надо, банки ещё горячие. А, когда остынут, тогда и прогреете. Но не до кипения! – указательный палец произвольно взмыл ввысь и я им, шутя, погрозила.

Из угла раздался смешок. Там оказался Максим. Он закрыл рот рукой, стараясь сдержать приступ смеха. Я нахмурилась и показательно отвернулась.

– Дядь Толь, только ведь это...

– Что? – дернулся он и тут же застонал.

– У меня машина не заводится!

– Машина? – донеслось из угла, на который я принципиально теперь не обращала внимания.

– Мне в понедельник в институт надо, а тут такая напасть...

– В институт? – словно попугай повторял Максим.

– Да, вон, – мужчина поднял руку и крупной ладонью указал в угол. – Племянник мой посмотрит. Он уже лучше меня разбирается.

– Ну, не лучше, – парень скромно зачесал затылок.

– Машина у бабушкиного дома осталась. Я думала приехать, но моя копейка через раз заводится.

– Не переживай, он придёт посмотреть, – заверил дядя Толя. – Через сколько зайдёшь? – механик тут же обратился к парню.

Тот почесал лоб и, кинув яркий взгляд, игриво произнес:

– Через полчаса заскочу!

Я кивнула, попрощалась с хозяевами и вышла из дома.

– Постой! – раздалось вслед. – Я Максим.

Он протянул измазанную мазутом руку, которую я не топила жать.

– Кира, – ответила я, приветливо помахав вместо рукопожатия.

Парень заулыбался, снова пробежав по мне взглядом.

– Скоро буду, – он направился к яме, над которой стоял чей-то москвич, и, не оборачиваясь, спрыгнул в неё.

Я вышла за ворота и лишь тогда ощутила, как бешено колотится сердце.

«Самые судьбоносные встречи случаются именно тогда, когда мы меньше всего к ним готовы...» – предательски всплыли в голове слова бабушки.

Вбежав в дом, я скинула галоши и подлетела к зеркалу.

– Что с тобой? – обомлела ведунья, наблюдая, как я второпях расчесываю спутанные волосы.

– Там этот... Ну, придет сюда машину мою чинить... – я

стремительно +

теряла способность внятно изъясняться.

– Максимка что ли?

– Угу...

– Я так и знала, – слышалось из кухни.

– Что ты знала? – я подлетела к шкафу, стягивая с себя старый свитер.

Бабушка молчала, когда, выглянув из окна, внезапно заявила:

– Вон, пришел. Ходит вокруг машины.

– Как, уже? Так полчаса ещё не прошло! – я впопыхах натягивала джинсы, что никак не натягивались.

– Для него видимо прошло, – не удержалась от комментариев бабушка, наблюдая за парнем.

Я снова сунула ноги в галоши и выбежала на улицу. Завидев меня, Максим довольно заулыбался, но вскоре, рассмотрев моё преображение, озадаченно спросил:

– Уже уезжаешь?

– В понедельник рано утром, – я вручила Максиму ключи.

Он открыл автомобиль и потянул рычаг, что открывает капот.

– Ну, что там?

Я заметно нервничала, предпочитая говорить о чём угодно, лишь бы не молчать.

– погоди, – засмеялся он, – я только капот открыл! Хотя вот, – он указал куда-то вбок на чёрную коробку, – клеммы

окислились. Смотри, какие наросты!

– Что делать надо? Много времени займёт? – я по-хозяйски упёрлась руками в бока.

– Нет, почистить их и всё. Максимум десять минут.

Думаю, моё лицо выдало разочарование столь быстрому решению проблемы, потому как вскоре Максим добавил:

– Но если работать с кружкой горячего чая, то займет дольше.

Я расплылась в улыбке и зашагала домой. Засмотревшись в окно на нового знакомого, я не сразу заметила, что чайник переполнился водой.

– Если ты всё-таки соберёшься поставить его на плиту, можешь заварить гостю чай от простуды, – раздалось бабушкино наставление. – Что-то он носом громко шмыгает.

– Никаких чаёв от простуды! Хватит! – отрезала я. – У нас есть нормальный чай?

– Ты имеешь в виду сухие листки Китайской Камелии?

– Да! – выдохнула я. – Обычный чай!

– Где-то был у бабушки, – она снова погрузилась в свой карточный расклад.

Насыпав в кружку «байховый чай», как было написано на коробке, я добавила лимон и выскочила с кружками во двор.

– Смотри, тут я зачистил, но аккумулятор лучше поменять. Окисляется он от влаги, и после зимы это совершенно обычное дело. Не хотелось бы, чтобы ты застряла где на дороге из города в деревню.

– Спасибо. Со стипендии куплю.

– Я буду завтра на рынке автозапчастей, могу посмотреть, – тут же предложил он.

– Ты не учишься в институте? – совершенно бестактно спросила я.

Парень совсем не смутился моему вопросу и коротко ответил:

– Нет! А ты в медицинском, так?

– Ага, – закивала я, – на фармацевта.

– С чаем всё в порядке? – всмотрелся он в жидкость в кружке. – А то дядька рассказывал, в этом доме живёт ведунья.

– Она предлагала заварить тебе любовное зелье, но я её отговорила.

Максим поперхнулся и округлил глаза. Я не смогла сдержать смех и предательски хихикнула. Максим облегчённо улыбнулся, но все же странно покосился на дом.

– А ты? Чем ты занимаешься? В смысле кроме помощи дяде Толе.

– Сейчас мы с мамой заняты переездом. Я ещё не думал о поступлении в институт. Через пару лет, возможно, буду к этому шагу готов. Но не сейчас.

– Через пару лет? – нахмурилась я.

Максим подул на чай и кивнул. Я не хотела грузить нового знакомого расспросами. Однако, лишенный амбиций план на будущее, судя по всему, далеко не глупого парня, немного

огорчал.

– Спасибо за чай, Кира. Мне надо идти. Есть срочная работа, а дядя слег. Впрочем, ты сама всё видела. Был рад знакомству, – он поставил пустую кружку на капот и снова протянул чумазую руку, которую я на этот раз пожалала. Ладонь оказалась вовсе не грубая, а кожа и ногти ухоженными, что весьма удивило.

Он зашагал по дороге, а я все смотрела ему вслед.

– Максим! – вдруг крикнула я, и он тут же обернулся. – Но ты её даже не проверил! – я указала на машину. – Что, если опять не заведётся?

Он рассмеялся и посмотрел под ноги.

– Заезжай вечером! – он не мог скрыть довольную улыбку. – Покатаемся, проверим!

Я кивнула и смущенно улыбнулась в ответ.

– Ты что так расцвела? – бабушка ударилась в расспросы, как только я появилась на пороге.

– Не знаю, – отрешённо кинула я. – Бабуль, а ты что-нибудь знаешь об их семье?

– Чьей семье? Максимки?

– Угу, – я тщетно старалась скрыть интерес.

– Я знаю, что брат Анатолия – сам Валерий Дылов. Максим, видать, его сын.

– И кто такой этот Валерий Дылов?

– Футбольный тренер.

– Ммм...

– Уже пять лет как живет в Англии, работает по контракту.

Я тут же повернулась.

– Он переезжает в Англию? – моему возмущению не было предела.

– Ну, таких подробностей я не знаю, но Анатолий говорил, Валера уехал туда с семьей.

– Значит, они решили там осесть.

– С чего ты взяла?

– Приехал с матерью, продает квартиру, занимается переездом, – передала я рассказ нового знакомого. – Ну, почему? – я закрыла лицо руками. – Почему, как только мне кто-то понравился, судьба тут же отбирает его у меня?

– Какая интересная формулировка... – бабушка продемонстрировала равнодушие к моей трагедии.

В расстроенных чувствах я села на любимую кушетку и взглянула в окно. По голубому небу проплывала целая флотилия кучевых облаков. Временами выглядывало яркое солнце, пригревая землю и выманивая молодую траву. Прекрасная пора для первой любви, свиданий и романтических грез.

– И что там у тебя выходит по раскладу? – я снова заговорила с бесчувственной ведуньей.

– Похоже, что судьба всучила тебе в руки Максимку, а не отняла его. Не великий шанс был вам встретиться, но это произошло.

Я не верила своим ушам. Всего два предложения вновь наполняли надеждой и вдыхали аромат жизни. Закрыв ладонями лицо, я попыталась скрыть от бабушки радостное волнение.

– Но ты всё же возьми вечером ему отвар от простуды, не хватало, чтобы ещё и он слег с дядькой на пару.

– Возьму, возьму! А откуда ты...?

В воздухе повисло молчание, но вскоре комната наполнилась смехом.

Мне совсем не хотелось думать о мертвеце, и о том, чем его кормить, но вскоре бабушка настойчиво напомнила мне об Ульяне.

– Ты должна будешь снова выйти в мир мёртвых и заманить мертвеца на кладбище!

Таков был её блестящий план. Я ела яблочный пирог, когда от этого заявления рука сама неподвижно застыла в воздухе.

– Что?

– Ты должна будешь...

– Да, да, я слышала. Но тебе не кажется, что это уже слишком?

– Слишком для чего?

– Ну не знаю, – замаялась я. – Для решения чужой проблемы.

– Хм, – бабушка изобразила фирменный прищур. – Ты обязана помочь Ульяне, а не разделять проблемы на «свои»

и «чужие».

– Теперь я обязана? – моему возмущению не было предела.

– Разве непонятно, что она просто не знает, как ей жить в этом мире? Она, каждый раз, заводя друзей, будет испытывать их силы. Пока друзей много, это не смертельно. Но если вдруг судьба вынудит питаться кем-то одним, то это вполне может привести к серьезному заболеванию и даже смерти! Как бы ты не боялась спускаться в мир мертвых, это необходимо сделать сейчас, чтобы предупредить будущие трагедии в жизни девушки, – ведунья тяжело вздохнула. – Только представь, если все, кому она посвятит свою жизнь, вдруг начнут один за другим покидать этот мир? Но самое ужасное, что Ульяна даже не будет знать почему!

Глава 4

Как только солнце окрасило горизонт красным, я выбежала из дома. Днями светило пригревало по-летнему, но вечера ещё обдавали прохладой и, с первого раза заведя свою копейку, я сразу включила печку. Вместе с её жаром в животе растеклось приятное волнение – мне была важна эта встреча. Было важно вновь увидеть Максима, возможно даже без мазута на его выразительном лице. Осторожно объехав кочки, я свернула на улицу автомеханика Анатолия и припарковалась у забора. Во дворе царила непривычная тишина, и я коротко посигналила. Никто не вышел. Я опустила стекло и прислушалась. Где-то вдалеке закудахтали куры и, перепутав вечер с утром, прокукарекал петух. Настроение неминуемо портилось.

В мои планы не входило покидать салон, когда я всё же вышла на улицу и недовольно хлопнула дверцей. Но даже тогда со двора ровным счетом не донеслось ни звука. Съездившись от холода, я подошла к воротам и, осмелев, постучала. Не сразу, но из дома кто-то вышел. По знакомому шорканью тапочек я поняла, что это не Максим.

– Кира? – искренне удивилась тётя Оля.

– Эм, а Максим дома?

Было совершенно неловко, словно я бегаю за парнем или того хуже поджидаю его по углам.

– Его нет, он уехал в город, – ошарашила она. – Что-то не так с машиной?

– Нет, нет! К его работе претензий нет. Просто... – мне не хватило фантазии придумать отговорку, и я взяла несколько секунд на обдумывание. – Просто он днём шмыгал носом, и мы с бабушкой приготовили ему лечебный чай. Он, наверное, из-за болезни уехал?

– Нет, Кира, он был бодр и здоров, когда собирался, – тётя Оля даже не думала подбирать слова, дабы не ранить моих чувств.

Совершенно очевидно о них ей было ровным счетом ничего не известно. Что сказать, со своими чувствами я тоже познакомилась только сегодня.

– Так почему же он уехал? Максим совсем ничего не сказал?

– Да ему друг Мишка позвонил, тот и засобирался, – простодушно призналась она. – Суббота же, вечер!

– Всё ясно. Как дядя Толя? – я старалась изо всех сил оставаться в приподнятом настроении.

– Компрессы помогают, он уже начал сидеть!

– Отличные новости, продолжайте в том же духе.

Сев в машину, я поняла, что не могу сдержать слез.

«Мы чуть знакомы, но почему же так обидно?»

В тот вечер я не нашла ответа на этот вопрос, и решила просто не держать в себе.

«Слёзы чистят душу», – в сознании мгновенно всплыли

слова бабушки.

Как странно, сама-то она никогда не плакала, за исключением случаев, которые можно было пересчитать по пальцам одной руки. Видимо её душа была и так чиста.

Слезы потекли по щеками и крупными каплями упали на одежду. На улице почти стемнело, и вдалеке блеснула молния – надвигалась гроза. Она совсем незаметно подкралась к деревне, озарив чередой ярких вспышек угрюмый лес. Вскоре по стеклу заколотил дождь. Я прибавила газу, чтобы не застрять на просёлочной дороге, и уже очень скоро свернула к дому.

Решив посидеть ещё немного в одиночестве, я наблюдала грозу и вытирала насухо щёки. Это было тщетно – как назло слезы все прибывали, а буря лишь набирала мощь. Вскоре по крыше зловеще заколотил ливень, а лес пригнулся с порывистым ветром. Грозовые раскаты грохотали, оглушая округу, а небо то и дело светлело от непрерывных извилистых молний.

В доме открылась дверь и кто-то, сунув ноги в галоши, побежал к машине. Я постаралась открыть дверь и выйти, но сильный порыв ветра снова захлопнул её, словно приказывал оставаться на месте. Тогда я перегнулась через соседнее сидение и помогла бабушке отворить дверцу.

Ведунья отряхнулась и, сняв капюшон черного дождевика, села рядом.

– Ты чего творишь? – бабушка выпучила глаза.

– О чём ты? – я в очередной раз вытерла слезы.

– Что случилось? Почему ты плачешь?

– Ай, – я закусила губу и посмотрела в черное окно, словно там можно было что-то увидеть.

– Кира! Что произошло? – нагнетала бабушка.

– Что, что? Он уехал! – сорвалась я, вновь обнаружив, что мои глаза полны слез. – Мы договорились встретиться, – я зашмыгала носом, – а он забыл. Друг позвонил, и он тут же уехал в город...

– Так ты это устроила, чтобы парень до города не доехал?

– Что я устроила? О чём ты говоришь? – на исходе терпения воскликнула я.

В то же мгновение рядом с машиной землю пронзил свет. Он был столь ярким, что на несколько секунд меня и бабушку полностью ослепило. За ней последовал раскат грома такой мощи, что мы обе подпрыгнули на месте.

– Кира, прошу тебя, успокойся! Ещё не хватало, чтобы одна из них ударила в машину! Ничего ужасного не произошло! Как уехал, так и приедет. Никуда он от тебя не денется! А вот гроза сегодня совсем не к стати, ещё и такой силы.

Я включила в салоне свет и непонимающе взглянула ей в глаза. Она взяла мою руку и заботливо погладила её.

– Кира, это всё ты. Просто успокойся, и увидишь, как гроза тот час пройдет.

– Бабуль, но почему он так поступил?

– Да мало ли причин? – отмахнулась она.

– На это одна причина. И она очевидна – я ему не понравилась! – в горле застрял колючий ком обиды.

– Да, понравилась, понравилась! Просто... – на этот раз бабушка отвернулась в окно, в котором ничего не было видеть, кроме наших отражений.

– Что, просто?

– Да ты ж нахрапом его решила взять! – наконец, изрекла она.

– Нахрапом решила взять? – моему удивлению не было предела. – Ты, бабуль, не знаешь, что такое нахрап! У меня в институте девчонки прохода таким как Макс не дают. Поджидают по углам, пристают внаглую. Если одна из таких положила глаз на парня, ему живым не уйти.

– Мы сейчас говорим о девчонках из твоего института или о ведьмах? – отрезала она. – Не приравнивай себя к ним. Ты не можешь себе позволить делать то, что делают другие.

– Да уж, тогда точно можно начинать строить избушку в глухом лесу на курьих ножках и заводить кота.

– Кира, твоя энергия отпугивает парней. Её надо учиться держать под контролем, иначе никто не выдержит с тобой близости. Только разве колдун какой. Ну или кот как вариант.

От её слов меня сковало физически. Правда сегодня я впервые заметила, что упоминания о таинственном колдуне более не будоражат мою душу. Все мысли захватил Максим, особенно после побега.

– Все будут бежать от тебя, – сгущала краски бабушка, – даже не осознавая причин собственных действий. На физическом уровне ты будешь их привлекать, когда на энергетическом – полностью отталкивать.

– Так он сбежал неосознанно? – я вмиг прекратила плакать.

– Думаю, что неосознанно.

– Но я же ничего не сделала! Я не колдовала, не метала в него энергетические шары и любовные стрелы...

– И, слава богу. Только благодаря этому ситуация ещё правима! – бабушка театрально приложила руку к груди. – Открой окно и выстави ладонь.

Я открыла и выставила – с неба не упало ни капли. Ветер прекратился, тучи медленно, но верно расползались, уступая место ярким звездам.

– Теперь ты понимаешь, какую силу тебе бы стоило поддерживать в узде?

– Я с детства люблю грозу!

– Кира! – осекла ведунья.

– Тогда научи меня! – воскликнула я, полная готовности к любым практическим занятиям.

– Первым делом разберёмся с Ульяной. Этой ночью ты должна помочь ей найти новый жизненный ресурс. А утром я научу тебя закрывать свою ведьму на замок! – подмигнула она.

Когда мы вышли из машины, небо озарилось брильянта-

ми звезд. Легкий ветерок подул в лицо, стараясь осушить насквозь промокшие ресницы. Казалось, сама ночь успокаивала меня, опасаясь продолжения бури.

Мы переоделись в ночнушки и устроились за круглым столом с зажженными свечами и ароматным травяным чаем. Всё напоминало старые добрые времена, но такие, когда всё самое страшное позади. Однако этот вечер был другим. Мне предстояло идти в разрушенные миры нижнего астрала и снова лицезреть мертвеца во всем его безобразии. Одно оставалось прежним – у меня опять было не так много выбора.

– Мне снова придется вдыхать цвет полыни? – скривилась я.

– Нет, я добавила полынь тебе в чай. Этого хватит, чтобы дополнить то, что ещё осталось в тебе.

«Хоть какие-то хорошие новости», – воспряла я, морщась от чайной горечи.

Бабушка просила меня перед сном не думать о Максиме. Не могу сказать, что это хорошо получалось, но внутри я боялась теперь его «трогать». Скорее всего, именно страх оттолкнуть его навсегда помог настроиться на нужный лад и вскоре, уснув, я снова оказалась в тусклом коридоре общежития. В конце под плоским потолочным плафоном принялась моргать красная лампочка, и я поняла, что мне нужно туда.

Под ногами кругами разошлась вода.

«Странно, прошлый раз тут было сухо».

Я осторожно зашагала вперёд, разглядывая каждую из многочисленных комнат студенческого общежития. В них, приняв одинаковые позы, словно отряды солдатиков, спали студенты. Кого-то я хорошо знала, с кем-то лишь изредка встречалась взглядом. Я старалась продвигаться дальше, не задерживаясь, как вдруг за окном одной из комнат проползла гигантская тень.

«Таааак, об этом меня никто не предупреждал!»

Сделав шаг назад, я вдруг ощутила дыхание в спину. Страх расползся по телу ледяными ветками. В то же мгновение со спины что-то проникло в тело. Я почувствовала это так явно, как если бы вторжение произошло на физическом уровне. Невидимые глазу, но хорошо ощутимые энергетические жилы собрались в узел. Так, словно кто-то намотал их на кулак, и они натянулись струнами. Хватка оказалась цепкой, хищной и парализующей.

– Ульяна, я пришла тебе помочь!

Тело напряглось от пальцев ног до самой макушки, мне стало трудно даже говорить.

– Послушай, я, правда, хочу помочь. Я знаю, что ты вынуждена делать это. Но есть другой способ, который не навредит живым!

Напряжение спало, струны расслабились, а воздействие исчезло. Не сразу, лишь набравшись мужества, я обернулась. Её омертвевшая кожа свисала мерзкими ошмётками, об-

нажая прогнившие мышцы лица. Заплывшие глаза, не моргая, пронзали холодом, а изрядно объединенные червями губы обнажили уродливый ряд пожелтевших зубов.

Еле сдержавшись, чтобы не пустится наутёк, я коротко озвучила свой план:

– Остаточная энергия после смерти!

Ульяна наклонила голову вбок и, кажется, прищурила мертвые глаза.

– Наше тело умирает не мгновенно. И даже когда душа покидает его, в нем всё ещё есть энергия жизни, которая окончательно затухает лишь по истечению определенного времени. Вся эта энергия на кладбище – она твоя! Ты можешь питаться там, сколько тебе будет угодно, пока не насытишься.

Ульяна опустила костлявые руки, и лишь тогда я поняла, что всё это время девушка находилась в атакующей стойке. В момент, когда я распинаясь перед ней о помощи, она всё ещё собиралась впиться мне в грудь и испить мою жизнь. Только чем бы закончилось такое испытание, когда нет физического тела, лишь одному богу известно.

Она отвернулась и побрела к выходу на лестницу. Держа дистанцию, я последовала за ней, но, выйдя на площадку, мы затормозили перед обрывом. Под ногами зияла пропасть. Здесь не уцелело ни одной ступени, лишь глыбы серого цемента и ряд узких окон, по которым было несложно сосчитать пролеты.

В какой-то момент Ульяна исчезла, и тут же появилась в

самом низу. Она подняла на меня заплывшие мутной пеленой глаза и пошла в темноту коридоров первого этажа.

Мне надо было бы поспешить за ней, но высота пугала. Я не летала в этом мире, подобно путешествиям по верхнему астралу. Нижние уровни давили на плечи, прижимали к земле, они не давали летать ни одним из известных мне способов.

За спиной скользнула черная тень, заслонив тусклый свет зловещего коридора.

«Прыгать? – задумалась я. – Что будет, если прыгну? Это не физическое тело, но сознание вполне может поверить – я сломала ногу, и тогда кости способны треснуть сами даже во время сна!»

По воде зашлепали быстрые шаги.

«Возможно, если представлю себя внизу, то перенесусь?!» – промелькнула мысль, и я тут же закрыла глаза.

Вообразив себя среди серых раскрошившихся глыб, я ощутила, что ноги скользят по наклонной плоскости. Открыв глаза, я обнаружила себя на покатом спуске. Ухватившись за штырь, торчащий из бетона, я еле удержалась на месте. Неминуемо падая, царапая ногти о бетон, я, наконец, нащупала горизонтальную опору. Шаги наверху стихли, но теперь неменьший ужас вселяли темные коридоры первого этажа.

Здесь снова повсюду была вода, в которой отражался далёкий свет.

– Ульяна?

Я шагнула в чёрную неизвестность.

В холле над спящим вахтером склонилась Ульяна. От голода или по привычке она снова кормилась живыми.

– Ульяна! – я постаралась её остановить.

Ходячий труп лишь покосился в мою сторону, не отвлекаясь от сияющих макарон, что тянулись из груди вахтерши Гали.

Внезапно я поняла, что уговоры не помогут. Она не слышала слов о сострадании, не искала пути не навредить живым. Ульяна лишь знала, что где-то там, среди мертвых тел она, возможно, сможет насытиться больше, чем здесь.

– Пойдем, я покажу тебе безграничные возможности кладбища. Ты сможешь кормиться там хоть до самого утра.

Она не слышала. Видимо её вполне всё устраивало в огромном общежитии, где для мертвеца открыты все двери, а фонтан молодой энергии его жителей неиссякаем.

– Ульяна, они же найдут тебя. И тогда уже обратного пути не будет.

Девушка, наконец, оторвалась от своего позднего ужина.

– Ктооооо? – грубым хрипом спросила она.

– Войны света, – соврала я, не имея ни малейшего представления, кто вообще мог бы её остановить.

«Человек сам должен уметь закрываться от астральных вторжений, – поясняла бабушка, – однако почти никто из нас этого не умеет».

Даже я из-за страха перед этим мрачным местом не смогла уберечься от мертвеца. Именно поэтому мне было просто необходимо перенаправить её, зачистить хотя бы общежитие. Но могли прийти другие. И, по сути, ни я, ни бабушка не знали сколько живых приходится на одного мертвеца, или сколько мертвецов на одного живого.

Ульяна отвернулась и запустила синие руки глубже в грудь спящей вахтерши. Та встрепенулась, но продолжала спать.

Мне стоило бы признать, что я не справилась с заданием, как за спиной раздался протяжный рык. Этот звериный рёв, заставил вибрировать чёрную воду, от него на мгновение заложило в ушах. Я оглянулась и увидела огромную тень, что еле помещалась на стене всех пяти пролетов здания. Ульяна оторвалась от жертвы, спешно высунув из груди вахтёрши Гали свои изломанные руки.

Она угрюмо насупилась и побрела на улицу. Не зная, с чем столкнулась на этот раз, я, прячась по углам, побежала за ней.

Кладбище находилось в самом конце проспекта, на котором располагался наш студенческий городок. Но мысли о животном размерах с монстра, окончательно поработили разум. Ульяна, несмотря на сутулость и вялость движений, передвигалась на удивление быстро, и вскоре я заметила её на значительном расстоянии. Я поймала себя на мысли, что она напоминает зомби и довольно органично вписывается в пейзаж безжизненного города. Разбитые окна серых панель-

ных домов вселяли уныние и страх. А о размерах монстров, обитающих тут, красочно рассказывали искореженный асфальт и вырванные с корнем деревья.

Осматривая этот кошмарный мир, я упустила из виду одну важную деталь — мы двигались в противоположном кладбищу направлении.

— Ульяна! — крикнула я.

Через мгновение из чёрных окон зловещим эхом вернулось её имя. Я замерла в страхе, вмиг осознав, что впредь лучше молчать.

Неуклюже карабкаясь по дорожным колдобинам и перелезая через поваленные деревья, я, наконец, увидела в низком небе с нависшими тяжёлыми тучами жёлтый столб света. Такой, о котором накануне рассказывала мне бабушка. Источник был где-то за перекрёстком, ориентировочно в паре кварталов.

«Неужели, она идёт туда? — пронеслось в мыслях. — Но что там?»

Я торопилась, когда враждебный мир устраивал ловушки, всячески препятствуя моему нахождению в нем. Ноги застревали в высохших колючих лианах, вплетённых в асфальт, а из-за углов заброшенных домов то и дело выглядывали чёрные тени.

Высвободившись из одной западни, я тут же попадала в другую. На этот раз моя стопа провалилась в асфальтную трещину и застряла в цепких корнях поваленных деревьев.

Я склонилась и попыталась освободиться, когда они, словно живые, окутали мои руки и сдавили змеиной хваткой запястья. В какой-то момент мне даже показалось, что я не выберусь, когда этому пришло подтверждение. Один из толстых проворных корней обхватил шею и принялся сдавливать. До этого я не чувствовала каких либо запахов, как вдруг в нос ударил неприятный дух мокрой шерсти. За вонью пришло тяжёлое дыхание массивного зверя. Замерев от ужаса, я лишь надеялась, что монстр меня не заметит.

– Мне надо возвращаться, мне надо возвращаться... – зашмурилась я, ожидая нападения со спины.

Что-то чёрное как ночь мелькнуло перед глазами и разрежало удушающие корни. Я спешно выбралась из западни, но, когда встала на ноги и осмотрелась, мистическое животное испарилось.

Ульяны, впрочем, тоже не было видно, но чутьё мне подсказывало, что та направилась именно к жёлтому лучу. Мне ничего не оставалось, как взять себя в руки и поспешить за ней.

На этот раз, перемещаясь исключительно по верхушкам асфальтных глыб, я, наконец, минула перекресток и свернула в узкий переулок. В конце тёмной улицы виднелось двухэтажное мрачное здание, из крыши которого яркими лучами исходила энергия мёртвых. Я нахмурилась и нерешительно зашагала вперёд. Вскоре стала различима облезлая вывеска, что гласила: «Городской морг номер три».

Входной двери не оказалось — её кто-то снял с петель и уложил на груду разбитой плитки. Я прошла по краю, стараясь не наделать шума, но всё же наделала. Край двери захрустел и, в конце концов, провалился. Я замерла и прислушалась. Моё сердце снова разгонялось. Никто не примчался на звук, и, выждав ещё несколько секунд, я, крадучись, побрела вглубь здания.

В конце полуразрушенного коридора располагалась просторная комната. Я тихо прошла внутрь — передо мной предстал огромный зал, плотно заставленный железными столами. Некоторые из них были пусты, но на остальных лежали обнажённые люди. Вдоль длинной стены простерлись шкафы, поделённые на тесные квадраты. На каждой полке лежало ещё по телу. Голова машинально поднялась ввысь — туда, где заканчивались бесконечные отсеки с мертвыми. Все они излучали свет. Из груди каждого в небо простирался золотой луч. Одни лучи казались насыщенной, другие слабее, но все они уходили ввысь, подпирая зловещие тучи, что взирали с небес сквозь проломленную крышу.

В углу комнаты я заметила шевеление и осторожно подошла ближе. Это была Ульяна. Она уплетала остатки жизни этих несчастных, мечась от одного трупа к другому. В какой-то момент раздалась её омерзительно сытая отрыжка. С привкусом отвращения я почувствовала, как ухожу, покидаю этот мир.

Глаза свело болью. На улице рассвело. Вдали гомонили

птицы, радуясь весне. Вместе с ними радовалась и я счастьем очутиться дома. Мрак и враждебность нижнего астрала испарились, оставив лишь запах мокрой шерсти. Я скривилась и закрыла нос рукавом ночной рубашки.

– Что такое?

– Воняет шерстью, – я принялась разгонять в воздухе запахи, как увидела бабушку, сидящую на краю кровати прямо у моих ног. – Ты разве не чувствуешь?

– Запах пройдет, – заверила она. – Так происходит всегда при обращении в животное.

– Что? – я подскочила на месте. – Но я не обращалась...

– Ты нет, – спокойно пояснила ведунья, – ты ещё не умеешь. Да, что там умеешь, ты ещё даже не узнала своё тотемное животное. Мне же пришлось тебя сопровождать. Или ты думала, что я отправлю тебя туда одну, как камикадзе? – засмеялась она.

– Так это ты там рычала за моей спиной? – выдохнув, я смела с лица ночной кошмар.

Бабушка кивнула, поднялась с кровати и направилась в кухню.

– И кем ты была? Тигром? – я почему-то иронично усмехнулась.

– Пумой, – донеслось в ответ.

Тема тотемных животных и путешествий в их теле так захватила воображение, что я даже забыла про Ульяну.

– А кем я смогу быть? – набросив теплый халат, я поспе-

шила на кухню.

– Животное тебя выберет само. Но для избрания нужен ряд ритуалов и определенные навыки пребывания в астрале.

Я задумалась, в кого бы могла перевоплотиться, и опустилась на свою любимую кушетку. За окном бушевала весна. Теперь солнце с каждым днем становилось ярче, а природа живее.

– Это шаманские практики, – продолжала бабушка, – для них нужны не столько знания, сколько правильное состояние духа и всех наших тел.

– Хм, – задумалась я. Она явно не торопилась с этими практиками, да и, что греха таить, я сама не шибко стремилась покорять нижний астрал. – Бабуль, а таких, как Ульяна, много? – сменила я тему.

– Бездушных? Много...

По спине пробежали мурашки от произнесенного ею слова «бездушный».

– У них нет души? – я тот час обернулась.

– Да, – уверенно заявила она. – А ты что думала у всех есть душа?

– Я даже не знаю... Но как людей с душой отличить от бездушных?

– В астрале бездушные видятся мертвецами. Далеко не все так же безвредно питаются, как Ульяна, но...

– Безвредно питаются? – перебила я. – Ты называешь это безвредно питаться? – моему возмущению не было предела.

Бабушка опустила глаза, глубоко вздохнула и глянула на меня исподлобья.

– Послушай, мир не ванильная сказка. Бездушных людей много и они опасны. Им всем нужна энергия души, её эмоции, чтобы почувствовать себя немного живее в этом мире. В редких случаях в бездушных может зародиться душа. Зачастую это не происходит. Ты спрашиваешь, как отличить бездушного? Это не так тяжело, как кажется на первый взгляд. Бездушные хладнокровно измываются над людьми с душой, затрагивая их самые тонкие струны, стирая все понятия гуманности в порошок. Бездушным неведомо сострадание – это их верный признак. Их беспринципность не знает границ, зачастую бездушные понимают лишь грубый язык силы. Если ты захочешь, то без труда отличишь их от духовных людей даже по мимике – лица бездушных лишены жизненной экспрессии. Они часто походят на примитивный набор привычного сокращения лицевой мускулатуры. Их взгляд холоден и безэмоционален, их улыбка механична и однообразна. Когда бездушные умирают, они закрывают глаза и навсегда погружаются в темноту. У них нет прошлого, нет будущего, они живут лишь настоящим, выжимая из него все соки, все до последней капли. До них невозможно достучаться, потому что там, где в душу открывается дверь, у бездушного вместо двери – стена!

Максим

Глава 1

– Закрой глаза!

Бабушка зажгла самодельную свечу, а от неё веточку сушеной Дуболистной Магнолии. Душный запах наполнил комнату и мои лёгкие.

– Представь его очень явно, попробуй вспомнить все детали и воссоздать их в один образ. Образ Максима!

Я делала, как она говорила. Сначала в воображении нарисовалась фигура – широкие прямые плечи, статный торс и спортивные длинные ноги, одетые в дорогие джинсы. Руки он держал в карманах модной дубленки. Светлый свитер с горлом подчеркивал длинную шею, волосы блестели чистотой и, рассыпаясь русыми прядями, падали на его прямой лоб. Выразительные голубые глаза, способные смутить любую девушку, хитро смотрели в упор.

– Видишь? – бабушка отвлекла от рассматривания собственных фантазий.

– Вижу! – довольно ответила я.

– А теперь посмотри на себя и проследи, как далеко простерлись твои золотые нити...

– Какие еще нити?

– Которыми ты решила повязать бедолагу! – уверенно за-

явила она.

Несколько секунд и я узрела тонкие струны, запущенные из моего солнечного сплетения прямо к шее парня. Они кружевными петлями обвились вокруг, сдавливая горло Максима.

– О, боже! – я закрыла лицо руками.

– Увидела, наконец?!

– Да, я схватила его прямо за горло!

– Вот почему бедняга раскашлялся!

Я не верила увиденным фантомам.

– Так, это правда? Я не понимаю! Я его реально сейчас увидела?

– Да, конечно, чему ты так удивляешься?

– Даже не знаю, – я постаралась смахнуть видение, что застыло перед глазами. – Мне казалось закрыть веки и вот так увидеть на расстоянии человека просто невозможно!

– Возможно. Особенно, когда ты к нему успела так крепко привязаться, – улыбнулась бабушка.

– «Привязаться», – повторила я. – Так вот откуда это к нам пришло.

– Хм, возможно и так. Слова иногда больше, чем просто слова.

Я отвязалась от Максима, и по наставлению бабушки постаралась как можно меньше о нем думать. Получалось это, надо признаться, с большим трудом.

Стоял чудесный воскресный день, и воображение

неустанно рисовало сцены нашего долгожданного свидания. Мне виделось, как Максим вдруг появился на нашей дороге. А, может, в следующий раз мы случайно пересеклись в городе, когда я решила навестить маму. Наши пути, по моему мнению, должны были неизменно сойтись.

– Бабуль, а что если я съезжу в город? – я крепко зацепилась за красивые мечты. – Такая чудесная погода стоит, чего сидеть взаперти?

– А не надо сидеть взаперти. Одевайся, пойдем в лес!

– В лес? – сморщилась я.

– Пойдем, пойдем... покажу тебе кое-что, – подмигнула ведунья.

Мы вышли из дома, взяв с собой всего одну колдовскую свечу и зажигалку. Мрачная, даже зловещая, со сморщенными красными ягодами она казалась самым настоящим атрибутом чёрной магии.

На улице пахло весенним цветом, смолой от почек и немного соседским навозом. Мы бодрым шагом направились к лесу по проселочной дороге, что разделяла нашу деревню с полем.

Яркое солнце пригревало плечи, возрождало в отдохнувшей земле молодые побеги и веселило суетливых птиц. Мы свернули в лес, где густой воздух казался переполнен ароматами первых цветов и молодых трав. Иссиня зеленые сосны заволновались от ветра, обнажив миниатюрные светлые шишки на своих гигантских лапах. Все просыпалось, наби-

ралось сил, света и тепла. Так и моя душа после долгой тоскливой зимы хотела расцвести, обновиться и наполниться любовью.

– Прекрати думать о нём! – уже без шуток, пригрозила бабуля.

– Да, я не думаю! С чего ты взяла?

Та лишь глубоко вздохнула.

– Ты бы видела себя со стороны... В аурическом свечении...

– Что, прямо так сильно видно? – упрямство сменилась смущением.

– Угу...

– И что меняется в ауре? Как узнать, что человек влюблен?

– Аура головы начинает ярко светиться. Часто лучи простираются в сторону объекта влюбленности, – она прищурилась и вгляделась в мои волосы. – Твои сейчас, к примеру, так и тянутся в сторону города.

– А какой цвет имеет любовь? – полная романтизма я продолжала расспросы.

– Это не красный и не розовый, как принято считать. Любовь светится ярким белым светом, который в свою очередь по ореолу дает приятный сиреневый. Именно это свечение создает незабываемый блек влюбленных глаз.

Во мне закралась мысль проверить Максима на влюбленность.

– Научи меня видеть ауру!

– Так, ты умеешь! – воспротивилась ведунья.

– Нет, бабушка, я не умею, – смутилась я.

Часто бывало, что бабушка приписывала мне умения и качества, которыми я не обладала.

– Всё ты умеешь, – поморщилась она, громко причмокнув. – Просто забыла. Что означает в переводе с греческого слово «аура»? Ну, же, вспоминай!

Я всерьез напряглась, ведь если она задавала этот вопрос, то, стало быть, когда-то говорила мне на него ответ.

– Эээ, – я старалась, но на ум ничего не приходило.

Внезапно в голове мелькнуло странное словосочетание – «дуновение ветерка».

«Нет, это вряд ли может быть ответом на её вопрос...», – я вмиг отмела спонтанную мысль.

– Ну, говори же, – требовала бабушка.

«Была, не была», – подумала я и озвучила прилетевшую из ниоткуда версию.

– Дуновение ветерка... – поджав губы, я приготовилась к её насмешкам.

– Правильно, молодец! – внезапно сообщила она.

– Но, как? – я округлила глаза.

– Как, как? Силой мысли! – рассмеялась она. – В эзотерике под аурой подразумевается тонкая невидимая субстанция, истекающая из всего живого. Само понятие пришло к нам из восточной философии, где ауру, истечение тонкой

субстанции или тонкой материи, именуют еще эманацией. Так вот, эманация является вполне себе материальным образованием. Она представляет собой облако испарений, или лучше сказать – сублимаций, порождающего тела и окутывающее его. Через эту материю можно посылать мысли, и они обязательно дойдут до адресата. Особенно когда до объекта рукой подать, – бабушка широко улыбнулась и похлопала меня по плечу.

– Так это ты послала мне «дуновение ветерка»?

Мы рассмеялись, и бабушка шутливо дунула в мой висок.

– А теперь, когда ты поверила в материальность наших субстанций, посмотрим на живой цветок. Аурические цвета, которые ты увидишь, будут эманировать от его лепестков. Оранжевый оттенок исходит от зеленых листьев и стебля. Также можно увидеть и более отчетливую эфирную ауру и даже особое мерцающее свечение – жизненную силу растений.

Бабушка шагнула по грязным колдобинам земли на зеленый мох и присела среди елей.

– Иди сюда! – махнула она.

Я послушалась и, перепрыгнув грязь, тот час подбежала к ней. Среди мха белел красивый ровный подснежник, стыдливо склонив голову.

– Прищурься и смотри на него до тех пор, пока не начнешь видеть оранжевый ореол, – велела бабушка.

Прищурившись, я поняла, что изображение слегка по-

плыло, создавая вторичное очертание цветка. Сосредоточившись на границе, где картинка сместилась, я вдруг увидела яркий оранжевый контур.

– Я вижу, я вижу! – взволнованно зашептала я.

– Хорошо, – кивнула бабушка. – Теперь попробуем на животных.

– Ты думаешь, я смогу? – мне всё ещё не хватало уверенности в своих силах и веры в то, что я вижу.

– Разумеется! Вон, смотри, – бабушка указала на голые кусты, покрытые пухлыми почками. – Видишь птицу?

– Угу, – прищурилась я.

– У тебя не так много времени. Смотри на неё, пока она не улетела.

– Какая у неё должна быть аура?

– А это теперь ты мне расскажешь!

Изображение расплылось, я не моргала. Вскоре птицу окружило небесно-голубое сияние.

– Голубая! – крикнула я, спугнув с куста синицу. – Она голубая!

– Да, – бабушка снова похлопала меня по спине. – Увидеть ауру Максима будет уже не так тяжело...

– Как ты...?

Живя вдали, я уже и забыла, как тяжело было что-то от неё скрыть. Что уж было говорить про такое яркое чувство как любовь. Влюбленные люди защищены мощной энергией любви и одновременно совершенно открыты для чтения

мыслей. Их внутреннее состояние подобно шкафу, забитому одеждой – они настолько полны, что просто не способны закрыться.

– Если уж ты столь успешно начала, можешь теперь посмотреть и свою собственную ауру, – вдруг предложила бабушка. – Это можно сделать на ярком солнце, оно как раз позади нас!

– Так, что я должна делать? – дыхнув в ладони, я их потеряла.

– Ты можешь посмотреть себя как с внешней стороны, так и с внутренней. Для внешнего просмотра хватит и вытянутой против неба руки. Для просмотра внутреннего, необходимо развернуться к солнцу и определить цвет, который появится первым при плотно закрытых веках.

Я тут же вытянула руку и посмотрела на неё в свете солнца. Вскоре, прищурившись, я смогла различить раздвоенное очертание правой руки. Пространство между двумя контурами заполнила эфирная аура – субстанция подобная бледному дыму, облегающему кожу. Затем я увидела мерцающее свечение, что расширялось в воздухе. Моргнув, я потеряла фокус, но вскоре настроилась снова. Цветное свечение переросло от эфирной дымки в ярко-жёлтый ореол.

– Я что, жёлтая? – моему удивлению не было предела.

– Конечно, жёлтая еще, – засмеялась бабушка. – Аура обычно имеет цветовые смещения, но руки у тебя совершенно точно цвета зрелой пшеницы. Яркость ауры сильно зави-

сит от того, что человек в данный момент ощущает. Если ты чувствуешь себя счастливой и полной жизни, то твоя аура становится ярче и её легче наблюдать. Ауру влюбленного человека можно увидеть спонтанно даже без особых практик и способностей.

– Так, я смогу теперь без труда определить, влюблён в меня Макс или нет?

– Ты сможешь определить, влюблён он или нет. А в кого – это уже другой вопрос.

– Что? – от этих слов меня пронзило током.

– Что, что? Я устала тебе повторять – успокой свои энергии и отпусти бедного парня. Никакой мужик не желает быть схвачен и притянут насильно.

Я насупилась и молча побрела за бабушкой.

Вскоре мы свернули с лесной дороги и значительно продвинулись вглубь леса.

– Ну, всё, пришли, – бабушка остановилась на одной из лесных опушек и развела руками.

Вокруг небольшого зеленеющего холма непонятным образом выстроились довольно массивные камни. Кто-то упорядочил их у подножья естественного образования в абсолютно ровный круг.

– Что это? – я присела на корточки и потянулась к ближайшему из камней.

– Не трогай! – прикрикнула бабушка, и я отдернула руку. – Не мешай вчерашнюю энергию с сегодняшней, пока я

не начну ритуал.

– Вчерашнюю? – я подняла на бабушку растерянный взгляд. – Это не старинное?

– Старинное? Нет, не думаю... Вчера кто-то колдовал в лесу, Маринка с дочкой слышали.

Я встала в рост и обошла находку. В диаметре холм составлял не больше пяти метров, а у его подножья оказалось ровно тринадцать камней, разнесенных друг от друга на равном расстоянии.

– Бабушка, это что?

– Это Викка! – тут же ответила она, забираясь на холм с единственной свечкой в руке.

– Викка?

– Да, древняя магия Викка, – бабушка принялась щёлкать зажигалкой.

– Это чёрная магия?

– Хм, – бабушка не торопилась с ответом.

– Белая?

– Я тебе всегда говорила... – начала она.

– Да, я помню! Магия не может быть белой или чёрной, но таковыми могут быть мысли людей. Так каковы мысли людей магии Викка? – довольно напористо перебила я.

– Сложно сказать... Это очень древняя магия и сочетает в себе как общение с Матерью Природой, так и вполне реальные жертвоприношения. Магия Викка довольно эгоистичное колдовское направление, и ведьмы, владеющие её

знаниями и навыками, неразборчивы в методах для достижения своих целей. Понимаешь?

– Не совсем...

– Викканки стараются жить и действовать в гармонии с природой, однако они видят не только светящиеся деревья, энергию трав, силу Солнца и Луны. Они так же видят, как змеи забираются в птичьи гнезда и поедают яйца. Если ведьмы Вика видят, как паук кропотливо плетет свою паутину, они не думают о переливающихся на ней каплях росы – они точно знают, для каких целей паук сплел свою сеть. Викканцы не стараются сделать мир лучше, они стараются слиться с ним и стать его частью, каким бы жестоким он порою не казался. Подобная философия дает им безграничные возможности в использовании этой силы. А силы в венчике сорванной травы и принесённой в жертву гадюке, поверь мне, очень разные.

От её слов спину обдало холодом.

– Одни из мощнейших ведьминских кланов Британии – последователи древнейшей из версий Вика, – бабушка, наконец, зажгла свечу, которая тут же принялась трещать.

– Так это подобие Стоунхенджа? – услышав про Британию, я вмиг провела аналогию.

– Ритуальный круг это не обязательно Стоунхендж или Аркаим, но это нечто обязательное для многолюдного колдовского обряда, – бабушка поднесла указательный палец к губам, призывая к молчанию.

Свеча потрескала и затихла. Огонёк еле колыхался, спасаясь от легких дуновений ветра, но не гас. Бабушка уселась рядом со свечой и закрыла глаза. Я стояла и смотрела на неё, не имея понятия, чем смогу пригодиться.

– Подойди к любому из камней и дотронься до него, – вдруг произнесла ведунья, не открывая глаз.

Я подошла к тому, что был прямо передо мной и села на корточки.

– Не забудь закрыть глаза, – добавила она, словно подглядывала за мной.

Ладонь коснулась белого камня, и я закрыла глаза. Ничего необычного не происходило, пока внезапно в сознании не возникло выразительное лицо.

– Ты кого-нибудь видишь? – тут же поинтересовалась ведунья.

Мне стало не по себе от её вопроса, ведь я снова видела перед собой Максима.

«Если скажу ей, она наверняка отругает меня!» – прикинула я и ответила на вопрос отрицанием.

– Хм, – недоверчиво хмыкнула она. – Иди к другому камню.

Я шагнула вправо и снова присела у камня. Уже без бабушкиных подсказок я закрыла глаза и дотронулась до ритуального камня.

Перед глазами снова проявилось строгое лицо Максима. Он щурился и гневно сжимал губы.

– Видишь кого-нибудь? – тут же подала голос бабуля.

– Нет! – вдруг лицо парня растворилось, а ему на смену явилась невероятной красоты девушка. – Постой, я вижу...

– Кого?

– Девушку. Рыжую девушку. Она хохочет.

Бабушка снова хмыкнула и приказала осмотреть следующий камень.

Я встала, но, сделав шаг, рухнула на колени. В ту же секунду голову сжало тисками, в глазах потемнело, а к горлу из желудка подползал поздний завтрак.

– Этого ещё не хватало! – забормотала ведунья.

Сбежав с холма, она приблизилась и обхватила руками мою голову. Второпях ведунья принялась зачитывать заклинание. Пока она читала, я не могла поднять свинцовые веки, перед которыми всё ещё хохотала незнакомая девушка.

На третье прочтение боль прошла. Тошнота испарилась, а глаза без труда открылись. На этот раз я взглянула на ритуальный круг как на реальную опасность, нежели на заморскую забаву.

– Ты как? В порядке? – беспокоилась бабушка.

– Да, да, прошло. Но, что это было?

– Одна из ведьм тебя почувствовала, – спокойно пояснила ведунья. – Они не совершали жертвоприношений, так что можно предположить, что опытная ведьма среди них была лишь одна. А здесь, – она указала на соседний камень, – здесь никого не увидела?

Мне стало неловко. Бабушка пыталась во всем разобраться, прося моей помощи, но даже здесь я умудрялась её обмануть.

– Бабуль, я видела Максима! – как на духу призналась я.

– Максима? – та нахмурилась и подошла к соседнему камню. – Тут точно не видела ведьму? – переспросила она. – Ведь если она меня узреет, то будет лихо.

– Нет, нет, тут видела только Макса!

Ведунья нагнулась, закрыла глаза и дотронулась до камня. Несколько секунд спустя она выпрямилась и пошла против часовой стрелки, трогая каждый из камней. Когда бабушка дошла до последнего нетронутого ею булыжника, она выпрямилась и взглянула мне прямо в глаза.

– А тут ты Максима не видела? Сразу рыжую узрела?

– Видела! И тут сперва его видела, просто решила не говорить.

Глаза бабушки округлились, а голова вжалась в плечи.

– И часто ты мне не говоришь о своих видениях на ритуальных процессиях?

– Прости, я просто думала, ты опять скажешь, что я на нем помешалась...

– Никогда не путай колдовство с чувствами! Иначе потеряешь и одно, и другое, – погрозила пальцем она.

Я молчала, снова чувствуя себя глупым ребенком. Однако в детстве мне было легче сослаться на возраст и неопытность, сейчас же оправданий подобным выходкам не нахо-

дилось.

– Бабуль, прости...

Ведунья тут же обняла меня за плечи.

– Ничего, бывает.

Тяжелый камень упал с груди, и, вмиг взбодрившись, я снова поинтересовалась о таинственном монументе.

– И почему я его видела?

– Кого? Макса? – теперь словно издевалась она.

– Угу.

– Да потому что твой Макс таскал эти булыжники!

Глава 2

– Он колдовал? – я в ужасе всплеснула руками.

– Говорю же, носил эти булыжники, – терпеливо повторила бабушка. – Видимо, этим дамочкам помогал, что здесь колдовали.

– Дамочкам? – возмущенно вырвалось ещё громче, чем в первый раз.

Бабушка лишь недовольно подняла на меня глаза и глубоко вздохнула.

– Надо оставить здесь плетеного человека, а потом разузнать у него, что тут по ночам происходит, – продолжала она, разыскивая годный вереск под ногами.

– Почему ты решила, что это происходит по ночам? – ревность беспощадно поджигала все мосты, что я спешно выстроила к Максусу.

– Ну, во-первых, любые ритуалы и особенно викканские лучше проводить ночью. А во-вторых Маринка видела здесь людей на закате! – она остановилась и снова бросила пылкий взгляд. – Так и будешь стоять? Не поможешь своей старушке?

– Ну, какая ты старушка... – я сорвалась с места и тут же принялась собирать веточки.

– Хворост я соберу сама, ты найди мне тонкую березовую лозу, чтобы все это туго переплести. Только снимай аккуратно-

но, не забудь извиниться и поблагодарить, – напутствовала она.

С залитой солнцем поляны я зашла в тенистый лес. От прилетевших вестей, я совсем растерялась и долго не могла найти березу.

«Как же так получилось, что мой Максим связался с ведьмами?»

Перед глазами снова появилась рыжая бестия невиданной красоты.

«Ну, конечно, она околдовала его... Хотя зачем вообще нужно колдовать с такой-то внешностью?!»

Глаза вновь налились дождём души. Несколько горьких слёз хватило, чтобы вдалеке прогремели грозовые тучи.

«Нет, только не это... Лучше уж ненавидеть его, чем жалеть себя», – подумала я и аккуратно скovyрнула кору на возникшей перед носом берёзе.

Когда я вернулась на поляну, бабушка уже выложила из сучков человечка. Заслышав мои шаги, она, не глядя, вытянула руку и жестом попросила березовые лоскуты.

– Поблагодарила её? – ей хватило секундного контакта с лозой, чтобы понять – я не сделала того, о чём она просила.

– Нет, – призналась я.

– Иди, проси вдвойне, – строго велела ведунья.

С трудом найдя нужную березу, я приложила к её стволу ладонь и тихо произнесла:

– Прости меня, что потревожила твой покой. Прости, если

причинила боль.

Голова от всех этих мыслей потяжелела и склонилась к стволу.

– Как мне вытащить его из сердца, берёза! А? – скупая слеза вновь скатилась по щеке и коснулась белой коры.

Вдруг, случайным ветром пригнулась ветка, погладив меня по спине. Я тот час отстранилась, впервые взглянув на дерево как на нечто, равное человеку, а возможно даже и более совершенное.

– Спасибо! – вырвалось даже больше из сердца, чем из уст.

Я вернулась к бабушке – та уже доплетала ритуальную куклу. Плетёный человек выглядел грубее самого первого, что мне когда-то уже довелось увидеть, но на этот раз совсем не имел глаз.

– А он у нас будет незрячим? – я покрутила в воздухе пальцем, стараясь обрисовать глазные впадины.

– Зрячим? Нет, – бабушка подняла с земли шишку и оторвала от неё две чешуйки. – Мы его закопаем! Из-под земли он не сможет ничего увидеть, но сможет всё услышать...

В следующее мгновение она вставила чешуйки от шишки глубоко в прутья имитированной головы. Затем поднялась на холм и захоронила своего шпиона в неглубокой яме.

– Бабуля, что ты знаешь об этих ведьмах? – спросила я, лишь только мы шагнули прочь с опушки.

– Об этих? – она наигранно обернулась, в последний раз взирая на кольцо из белых булыжников.

– Ну, не именно об этих. А о ведьмах викканках... Они умеют делать привороты?

– Ах вот оно что? – заулыбалась бабушка.

– Ясное дело умеют, они же ведьмы, – спокойно заявила она.

– А что можно предпринять от их магии?

Бабушка вдруг остановилась.

– На твоего Максима никто не наводил колдовства и приворотов. Спускайся уже с небес на землю, – гневно глянула она и зашагала дальше.

Тема была явно исчерпана. С этими словами оборвалась последняя нить, что связывала меня с Максимом – парнем, который стал по-особому для меня дорог всего лишь за какие-то сутки.

– Слово «Викка» происходит от древнеанглийского «wīssa», что означает «ведьма» или старого тевтонского слова «wīsan» – «сгибать», – помолчав, бабушка завела разговор сама. – Викка, вероятно, самая известная из всех современных языческих религий, но есть и многие другие. В широком смысле любой, кто верит в более чем одного бога, может быть классифицирован как язычник. Но помимо множества богов Викка учит, что каждый мужчина и женщина имеют право стать ведьмой через изучение древних знаний и практику. Именно поэтому многие люди привлекаются к Викке из-за интереса к колдовству. Некоторые виккане действительно практикуют колдовство, возможно, да-

же большинство из них. Но практика колдовства не является требованием религии Викка, согласно которой власть ведьмы исходит от самой себя, от природы, от союзных богов или духов. По своей сути путь ведичества тесно связан с викканским путем. Несмотря на разную географию появления наших направлений, многие магические знаки объясняются и работают одинаково. В Викке пятиконечная звезда представляет четыре элемента «Землю», «Воздух», «Огонь» и «Воду» увенчанные «Духом». Пентаграмма также является символом микромира и символом человека одновременно. Окруженная кругом, она называется пентаклем и означает полноту, баланс и совершенство. У нас и у них пентаграмма используется как символ веры и защитная печать. То, что невозможно сокрушить извне, нарушить или пробить.

Бабушка подняла у дороги длинную палку и начертила на земле ровный круг с двумя месяцами по бокам.

– Тройная луна, – продолжала она, – является еще одним символом Викка. Это круг с восходящей луной и убывающим полумесяцем. Тройная луна символизирует тройную богиню – девицу, мать и крону. Лунный цикл в Викке вызывает воспоминания о циклах жизни, смерти и рождения. Этот символ часто используется ведьмами Викка в обрядах предсказаний и общения с мертвыми.

Бабушка отошла от рисунка и той же палкой начертила на земле колесо со спицами.

– Восемь спиц колеса, – пояснила она, – еще один из силь-

ных знаков Викканских ведьм. Это «Колесо Года», – бабушка дважды постучала по рисунку, подняв пыль, – и восемь викканских саббатов в календаре Викка. Существует ещё восьмиконечная звезда – это солнечный символ, относящийся к древнему Шумеру. Иногда этот символ имеет круг в центре, представляющий постоянство Солнца.

Бабушка выкинула палку и обтряхнула ладони.

– Есть ещё важный символ «спиральная богиня», – бабушка вдруг замолчала, словно боялась говорить о ней, пока мы не отдалимся на значительное расстояние от обрядового холма. – Так вот, обычно эта богиня изображается обнаженной с руками простёртыми над головой. Спираль в ее животе представляет бесконечную силу творения. Этот знак является не просто символом: спиральная богиня есть философия магии Викка.

– Бабуль? – заговорила я. – Расскажи мне про эту философию. Ты ведь чего-то недоговариваешь, я же вижу!

– Уверена? – вдруг отозвалась она.

Я лишь кивнула, предвкушая очередной пинок от викканских ведьм.

– Очень часто ведьмы, практикующие Викку, проводят обряды обнажёнными.

От этих слов меня бросило в жар, а бабушка, покосившись, продолжала.

– В женском теле кроется огромная энергия, способная породить другую жизнь. И если ведьма использует свой энер-

гетический «вихрь» в обряде, то подобное колдовство становится в разы сильнее. В некоторых случаях можно даже говорить о том, что магии подобной силы сложно найти аналог. Ещё одним из приёмчиков викканок являются акты сексуального характера во время ритуалов.

– О боже, – сорвалось с губ. – А это ещё для чего?

– Для многих целей, а у викканцев их обычно не мало. По сему, если не хватает энергии женского начала, то для колдовских обрядов подключают мужчин.

Одна только мысль, что Максим мог быть к этому причастен, вызывала во мне отвращение. Не знаю, к нему ли лично, но уж к магии Викка точно.

Мы шли не спеша – спешить было некуда. До завтра у меня оставалось без лишнего полдня и ночь.

«Мы придем, поужинаем, бабушка даст мне какое-нибудь задание по сортировке трав или смешиванию ингредиентов очередного зелья, а потом я пойду спать. А ровно в шесть прозвенит будильник, и после туманной трассы начнутся мои институтские будни...»

Нет, я должна была как-то изменить череду грядущих событий, прервать замкнутый круг.

– Бабушка, я хочу изучать тотемы. Хочу найти свое животное, – я прервала затянувшееся молчание.

– Отличное желание! Если хочешь по возвращении домой и приступим.

– Очень хочу! – меня распирало от любопытства. – А, как

ты нашла свой тотем?

– Хм, – бабушка вдруг расплылась в улыбке, – это произошло давно и при весьма интересных обстоятельствах. Мои родители – твои прабабушка и прадедушка, они позволили мне изучать магию самостоятельно, но я вдруг поняла, что мне необходим проводник в мир магии и колдовства.

– А как же наши книги? – вмешалась я.

– Наши книги – это инструкции, но они не учителя. Кстати, я рада, что ты начала их называть «наши книги», – она тепло глянула и поправила прядь моих волос. – Так вот, я нашла заклинание, призывающее помощника, – вздохнула она, – проводника!

– И что произошло дальше? – я была так взволнована, понимая, что у бабушки ещё ворох нерассказанных историй.

– Что, что? Я начала рычать по ночам.

– Что?

– Да, да. Ты не ослышалась – именно рычать. Сначала я не помнила ни одного из своих снов и, когда родители задавали мне вопросы, я не имела на них ответов. С тех пор мать начала упрекать отца в потакании моим прихотям, ведь именно он, если ты помнишь, вручил мне бабушкины колдовские книги. Ночами родители ссорились на кухне, а по утрам пытались выяснить, почему я рычу во сне и откуда в квартире запах мокрой шерсти. Когда они выбились из сил, отец повёл меня к священнику. Тот приложил святой крест к моему лбу и обрызгал святой водой. Тогда я впервые услышала, как

за спиной кто-то из служительниц церкви шепнул «бесноватая»... Нет, я вовсе себя таковой не считала, но и объяснить природу животных повадок тогда не могла.

– Но они же проявлялись только во сне? – уточнила я.

– Хм, поначалу да, – терпеливо рассказывала бабушка. – Стояла зима, и священник предложил привезти меня на купание в проруби в крещенскую ночь. Мама приготовила длинную рубаху, а отец проинструктировал, что я должна буду почувствовать, входя в ледяную воду. Казалось, всё было готово, и в назначенное время мы выехали из дома. Наш путь лежал мимо леса к озеру. Там, на одном из его живописных берегов возвышалась деревянная церковь. Близ неё прихожане проделали прорубь и оборудовали место крещенского купания лестницей. В то время с церковными обрядами шла война, и в атеистической стране действующими оставались лишь некоторые деревенские церкви, что были скрыты от глаз. Несмотря на запреты, люди всё равно втайне совершали христианские обряды, отмечали праздники и не прекращали молиться.

Зима выдалась холодной, и в ту ночь отметка термометра опустилась до минус сорока. Я поставила ноги на квадратную печку под сидением, чтобы впитать как можно больше тепла перед ночным купанием, как вдруг между сосен показался темный силуэт. Он передвигался по белому снегу со скоростью автобуса. Я припала к замерзшему стеклу. Не сразу различив зверя, я, наконец, увидела её. За нами гналась

тень огромной кошки.

Вскоре автобус выехал к церкви, и остановился близ озера. Мы вышли на лютый мороз. На льду было много людей – там горели огни, аккордами заливалась гармонь, остывали плюшки и самоварный чай. Подобная атмосфера бодрила, придавая сил и решимости. На удивление вокруг было много подростков и детей поменьше, и в какой-то момент я совсем освоилась. Прямо перед глазами люди прыгали в прорубь, окунались с головой и выбирались по лестнице на лёд. Помню, прижавшись к матери, я тихо спросила, не утонут ли. Она заверила, что такого никогда здесь не случалось, и с божьей помощью мы справимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.